

Юрий БОРОДКИН

г. Ярославль

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Повествование Юрия Бородкина посвящено одному из самых драматических периодов нашей истории, названного Смутным временем, когда Московское государство, раздираемое интригами, кознями и изменами, оказалось на краю полного краха, но выстояло благодаря патриотическому подъёму низших сословий.

Автор прослеживает и сопоставляет оценки событий их свидетелями, современниками, историками.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во времена Ивана III и Василия III прекратилась междоусобица, изнурявшая северную Русь при Василии Тёмном. Удельные княжества объединились вокруг Москвы, никто уже не помышлял оспаривать первенство московских великих князей, все осознали преимущества единовластия в борьбе с хищными устремлениями сильных соседей. Но молодое Московское государство ожидали приближающиеся трагические события. Началось тем, что, будучи 20 лет в браке с первой женой Соломонией, Василий Иванович не имел детей, и второй брак с Еленой Глинской начался тем же: три года она была бесплодной и лишь в 1530 году, за три года до кончины Василия, Бог дал ему наследника, будущего Ивана Грозного. Завещая Московское великое княжество малолетнему сыну, Василий, призвав митрополита и бояр, назначил правительницей государства супругу Елену.

В такие исторические моменты, когда власть из крепких рук отца переходит к младенцу и его матери, неизбежны дворцовые интриги, ожесточённая борьба родовитых бояр за фактическую власть.

Вначале в боярском Совете (Думе) первенствовала старый дядя великой княгини Михаил Глинский и её любовник – молодой князь Телепнёв, но здесь же заседали знатные князья Василий и Иван Шуйские, Андрей Шуйский, обвинённый в заговоре против Елены, и их родственник Горбатый. Шуйские, потомки брата Александра Невского Андрея Ярославича и князей суздальских, занимали важное положение при дворе Василия III.

Когда Сигизмунд угрожал Смоленску (1535 г.), против него выступила рать под началом главного воеводы Василия Васильевича Шуйского. Крымский хан Саип-Гирей, ведя переговоры о перемирии с Москвой, предлагал юному Ивану прислать к нему послом Василия Шуйского, ведая значение этого вельможи при дворе. А после внезапной смерти молодой правительницы Елены в 1538 году этот влиятельный Василий Васильевич Шуйский, воспользовавшись моментом, объявил себя главой боярской Думы, а фаворита Телепнёва отправил в темницу и уморил голодом. Отныне всё в Московии делалось по самовластию Василия Шуйского, который не считался с малолетним великим князем, вёл себя как правитель России.

Вскоре Василий Шуйский скончался, но в Думе и при дворе продолжал своевольничать его брат Иван, забавлявший царя как ребёнка. Всюду торжествовало лихоимство и неправосудие. О наместниках псковских Андрее Михайловиче Шуйском и князе Василии Оболенском сказано, что они «свиристествовали как львы».

Деспот Иван Шуйский заболел, наказанный судом небесным, и передал власть родственникам: Ивану и Андрею Михайловичам и Фёдорю Ивановичу Скопину. Однако недовольство самовластием Шуйских росло, юный государь подрастал, ближние внушали ему мысль, что он самодержец, и наконец Иван объявил боярам, что они своевольничают, пользуясь его юностью, и распорядился казнить Андрея Шуйского лютой азиатской казнью: избитого его бросили на растерзание псам. Начались жестокие опалы, которым подверглись не только Шуйские. На этом дерзости их своеволия закончились,

Деспотизм Ивана Грозного стал возрастать. Жестоким опричниной, тиранством против родового боярства он противопоставил ему новых влиятельных сановников, положил начало тем бедам, которые привели к катастрофе Смутного времени. Старые не могли смириться с опалой, новые стремились возвыситься всякими неправдами. Этому способствовало и многожёнство царя, в результате чего двор стал наполняться враждующими родственниками, получавшими богатые вотчи-

ны и высокие назначения. Начались интриги, конфликты между новым и прежним боярством. Фактический преемник Грозного Борис Годунов, продвигаясь по ступеням власти, устраняет всеми неправдами своих соперников и доходит до крайности в истории с убиением царевича Дмитрия. Угличская трагедия послужила непосредственным толчком к возникновению самозванства, от которого замутилась вся московская земля на целое десятилетие.

Учитывая суеверие того времени, народ воспринимал появление Лжедмитрия I как знамение и наказание за все Борисовы преступления, за достижение им престола путём беззакония. Так же понимали и кару небесную в виде страшного голода, постигшего Московское государство в 1601 – 1603 годах, дескать, за грехи государя Господь посылает такие испытания. Тысячи крестьян, холопов и людей разных званий бежали в южные пределы, пополняли несметное число вольных людей, донских, запорожских и волжских казаков, всегда готовых подхватить любое брожение в государстве. Само падение Годуновых воспринималось как торжество справедливости, не случайно столь легко поверили в спасшегося царевича Дмитрия.

В.Ключевский справедливо отметил: «Отличительной особенностью Смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве... На вершине этой лестницы стояло боярство; оно и начало Смуту».

Значительную роль в возникновении Смуты сыграла Речь Посполитая, воспользовавшись шаткой ситуацией в Московском государстве. Именно в Польше признали явного самозванца царевичем Дмитрием и подготовили его к походу в Россию. Здесь же по настоянию иезуитов претендент принял католичество и обещал распространить эту чуждую веру на всю Московию. Сдержанная поначалу поддержка самозванца закончилась открытой польской интервенцией.

Результатом длительных военных действий стали полная разруха и опустошение государства, но оно сохранилось благодаря усилиям национальных героев Смутного времени, сумевших поднять на борьбу с захватчиками простой народ. Земля очистилась от пришельцев и изменников, избрала юного царя, чтобы начать новую эру своего исторического пути.

ПАДЕНИЕ ЦАРСТВА

ПРАВИТЕЛЬ ГОДУНОВ

Отправной вехой Смутного времени явилась кончина в 1584 году царя-тирана Ивана Грозного. Наконец-то народ мог облегчённо вздохнуть, но, вместе с тем, его наследник, сын Фёдор, слабый телом и духом, вызывал опасение возникновения дворцовых интриг, соблазн захвата реальной власти коварными способами.

По завещанию Ивана Грозного первое место возле молодого царя Фёдора Ивановича занял брат царицы Анастасии Никита Романович из влиятельного рода Романовых. Знаменитый князь Иван Петрович Шуйский возглавил регентский Совет бояр, назначенных в советники наследнику Фёдору Иоанновичу. В этом почётном ареопаге находился и Борис Годунов, брат жены нового царя Ирины, заступивший вместо умершего Никиты Романовича, что не сулило ничего хорошего псковскому герою, о котором следует сказать особо.

Иван Петрович Шуйский возвысился своей доблестью во время знаменитой обороны Пскова от натиска Стефана Батория. Геройский воевода являлся внуком московского правителя в начале царствования Грозного. Когда поляки взорвали одну из башен крепости и ворвались в пролом, Шуйский примером своего мужества остановил обороняющихся и выбил наступавших. Псков устоял против самого известного в Европе полководца, оказав неоценимую услугу Отечеству. В посланиях Ивану Грозному Стефан хвалился своими победами, дерзко грубил и угрожал нашему государю, даже вызывал его на поединок, а царь вынужден был лишь искать перемирия, потому что наше плохо организованное войско не способно было противостоять польским гусарам в открытом бою.

Н.М.Карамзин называет Ивана Шуйского Героем с большой буквы и оценивает его героизм весьма возвышенно: «...то истина, что Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей Истории, доколе мы не утратим любовь к отечеству и своего имени». И это так, ибо, потерпев неудачу под Псковом, Стефан Баторий усомнился в своих успехах и поумерил надменность.

Теперь, когда скипетр и державу принял слабый здоровьем, безвольный Фёдор Иванович, более богомолец, нежели государь, сошлись интересы старого знатного боярства (доблестный воевода Шуйский) и нового (Борис Годунов). Знатность отступила перед родственной близостью к царю.

Практическим правителем становится шурина царя Фёдора, умный, хитрый, коварный Годунов, чей род происходил от татарского мурзы Чета, принявшего православие и построившего знаменитый Ипатьевский монастырь, где находились усыпальницы бояр Годуновых, занявших важное положение в политической системе России.

Борис выдвинулся при Иване Грозном в числе новых бояр, приближаемых к царю в противовес родовитым вельможам, гонимым опричниной. Столкновение их интересов стало начальной причиной возникновения губительной Смуты. А ещё этому способствовало многожёнство Грозного, в результате чего дворец наполнился враждующими родственниками. Чтимое на Руси местничество (распределение значимости родов) оказалось сильно потревоженным. Борис расчётливо женился на дочери всеильного Малюты Скуратова (Бельского Григория Лукьяновича), а сестру выдал за сына Ивана Грозного Фёдора, обеспечив себе прочное положение при дворе.

История не называет Бориса Годунова тираном, но он не останавливался перед выбором средств для устранения людей, мешавших его продвижению к власти, губил их тайно в темницах, отправлял в отдаленные места, в монастыри на пострижение. Тотчас, как умер царь Иван Грозный, Годунов «возложил измену на Нагих, и их схватили и приставили к ним приставов»; были отправлены в Углич последняя жена Грозного Мария Нагая с царевичем Дмитрием и своими родственниками, что изобличает правителя в заблаговременном отдалении будущего соперника. В опасении интриг и столкновений в Москве сам Грозный завещал Углич в удел младшему сыну.

Ближнего к царю сановника князя Бельского Богдана Яковлевича (племянника Малюты) обвинили в том, что он отравил Грозного и теперь намеревается отравить Фёдора. Несчастливого вельможу едва не растерзала толпа, кончилось отправкой в ссылку в Нижний Новгород.

По случаю царского венчания, как было заведено, Фёдор одарил Годунова несметными богатствами и земельными наделами, этот неуёмный честолюбец становится властителем царства, его слово – закон в боярской Думе.

Продвигаясь далее к вершине власти, Борис сам измыслил заговор против него, в результате чего старый князь Иван Фёдорович Мстиславский, крестный отец царевича Дмитрия Угличского, был сослан в Кириллов монастырь, другие отправлены в дальние вёси и темницы. «Годунов самовластвовал явно и величался перед троном, закрывая своим надмением слабую тень венценосца. Жалели о

ничтожности Фёдора и видели в Годунове хищника прав царских», – говорит Карамзин.

В то же время скончался ближайший к царю, по родству с его женой, сановник Никита Романович Юрьев, после чего на первые роли снова выдвинулись знатнейшие Шуйские. Опытные царедворцы прибегли к хитрости: сговорившись с митрополитом Дионисием, они посоветовали Фёдору взять другую жену по причине бесплодия Ирины. Таким образом, можно было надеяться на появление наследника и на отстранение от власти Бориса. Не такая уж это была крамола, потому что ещё сам Иван Васильевич предлагал Фёдору отправить Ирину в монастырь и взять другую жену. Боголюбивый кроткий Фёдор отказался последовать примеру отца.

Заговор открылся. Дионисию пришлось извиняться перед Годуновым, тот, встревоженный опасными для него маневрами, приказал посадить Шуйских под стражу, а многих их сторонников разослал по разным отдалённым местам. Не пощадил Годунов и псковского героя Ивана Петровича Шуйского, сослав его на Белозеро. Князя Андрея Ивановича, чей ум ценили в Думе, посчитали главным заговорщиком и отослали в Каргополь. Там, в темницах, эти достойнейшие мужи были удушены дымом по приказу Годунова. По этому поводу Карамзин горестно вздохнул, заключив своим пышным слогом: «Спаситель Пскова и нашей чести воинской, муж безсмертный в Истории, коего великий подвиг описан современниками на разных языках Европейских ко славе русского имени, лаврами увенчанную главу свою предал срамной петле в душевной темнице или в яме!» В том же 1587 году другие Шуйские (в том числе будущий царь Василий Иванович) были сосланы в Буй, Галич, Шую и прочие города.

Не оставил Борис Годунов без внимания известного в нашей истории касимовского царя Симеона Бекбулатовича, исполнявшего по прихоти Ивана Грозного роль московского царя в 1575–1576 годах. За верную службу Симеону была пожалована Тверь, где он величался великим князем. Кроме того, Симеон был женат на сестре знатного боярина Фёдора Мстиславского, поэтому Годунов считал его одним из своих опасных соперников в будущем. Что это так, понятно из присяги, составленной при его восшествии на престол, где присягавший особо клялся: «Мне мимо государя своего царя Бориса Фёдоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперёд бог даст, царя Симеона Бекбулатовича и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не дружитья, не ссылать-

ся с царём Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывать на всякое лихо; а кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет об этом думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю, то мне такого человека схватить и привести к государю». Как показало скорое будущее, вся эта тщательная предусмотрительность оказалась напрасной, она лишь доказывает неуверенность Годунова, принимавшего титул царя Московского. Да и желавших оспорить право Бориса на престол оказалось предостаточно.

Симеон Бекбулатович¹ был отправлен из Твери в свое село Кушалино, где жил скромно. Борис прислал ему на именины дорогого вина, смешанного с зельем, после чего Симеон ослеп.

Митрополит Дионисий попытался выступить с обвинениями против Бориса и был свергнут с престола святительского, а на его место поставлен архиепископ Ростовский Иов.

Воспользовавшись приездом в 1588 году в Москву патриарха Константинопольского, дальновидный Годунов добился возведения Иова в сан патриарха Московского собором архиепископов, что было совершено впервые, поднимало авторитет Московского государства и укрепляло влияние самого царедворца. Прибывший вместе с патриархом Константинопольским Иеремией греческий архиепископ Арсений Елассонский, живший в Москве всё Смутное время, пишет в своих «Мемуарах из русской истории», что сначала Годунов предложил самому Иеремии остаться в Москве в сане патриарха Московского, но тот не дал согласия, тогда Годунов уговорил Иеремию учредить в Москве патриаршество, возведя на престол митрополита Иова.

Теперь его вероломные действия не могли иметь препятствия ни с одной стороны, и уже мысленно он примерял царский венец на свою отягощённую грехами голову. Оставалось устранить последнее препятствие на пути к вожделенной цели: в Угличе подрастал законный наследник Ивана Грозного царевич Дмитрий, охраняемый матерью и родственниками Нагими.

Казалось, Борис имел всё, но властвовал от имени Фёдора, а мечталось о верховном, почти божественном величии. Готовя себя в преемники Фёдора, зная слабость его здоровья, Годунов решил на ужасное злодеяние, которое не простил ему Божий суд, не простила и История, хотя некоторые историки акцентируют положительные стороны его правления. Известный исследователь Смутного времени С.Ф.Платонов пытался оправдать Бориса ссылками на разные обстоятельства,

дескать, царевич как сын незаконной жены Грозного не был опасным конкурентом в борьбе за трон, а предпочтительней оставались шансы царицы Ирины. Но разве не с согласия Фёдора удалили Дмитрия в Углич? Значит, считал его законным наследником Ивана Грозного. На мой взгляд, эти доводы неубедительны. Другое дело – опасность Годунова, следившего за подрастающим царевичем и знавшего, что по смерти Фёдора Ивановича именно он взойдёт на трон, к которому давно примеривался сам Годунов. Что его ожидало в случае возвращения Нагих в Москву? Заточение и умерщвление в дальней ссылке, как это делал сам Годунов. Ничто не могло остановить его на пути к достижению своей цели. Мы увидим, что впоследствии он оттеснил от престола и свою сестру. Найдём ли пример другого правителя при самодержцах, столь хитроумного, изворотливого, надменного, безмерно честолюбивого, способного на любые козни в своём стремлении к власти?

Вместе с близкими людьми он стал искать способ, как погубить царевича. Сначала хотели отправить его, но почему-то не удавалось: может быть, исполнители щадили юного царевича, или потому, что мать старалась кормить его сама. Главный доверенный в этом злодеянии окольничий Андрей Клешнин предложил исполнение замысла чиновникам Владимиру Загрязскому и Никифору Чепугову, но те отказались. Тогда «...усерднейший клевет Борисов, дядька царский, окольничий Андрей Лупп-Клешнин представил человека надёжного: дядька Михайла Битяговского, озаменованного на лице печатью зверства», – пишет Н.Карамзин.

Борис велел Битяговскому ехать в Углич, взять в свои руки все административные и хозяйственные дела вдовствующей царицы Марии Нагой и ждать удобный момент для исполнения гнусного злодеяния. Вместе с ним отправились сын Данила и племянник Никита Качалов.

Преступление совершилось в полдень 15 мая 1591 года, когда царевича повели на прогулку мамка Василиса Волохова и кормилица Ирина Жданова; на лестнице их встретили Осип Волохов (сын Василисы), Данило Битяговский и Никита Качалов. Не яд, так нож довершил дело. Углич всколыхнулся. Битяговский и его сообщники были пойманы и убиты на месте. Изворотливый Годунов воспользовался проявлением народного гнева, велел завести дело не на убийц, а на тех, кто учинил расправу над этими убийцами. Чтобы подтвердить ложную версию о том, что царевич зарезался сам нечаянно, в припадке эпилепсии, в Углич была направлена комиссия во главе с боя-

рином Василием Ивановичем Шуйским. Шаг смелый со стороны Годунова, потому что после расправы над старшим братом Василия Андреем Ивановичем Шуйские находились в опале: общество должно было проявить более доверия к такому расследованию. Надо иметь в виду, что один из трёх братьев Шуйских, Дмитрий, был женат на сестре жены Годунова, то есть они являлись свояками. Не случайно эти братья избежали опалы.

В комиссию входили также окольничий Андрей Клешнин, митрополит Крутицкий Геласий и дьяк Вылузгин. Очевидно, что ход расследования находился в руках Клешнина, главного доверенного Бориса, а имя знатного боярина Шуйского должно было свидетельствовать об объективности розыска. Прибыв в Углич 19 мая, комиссия сразу направилась в церковь ко гробу царевича. «Глубокая язва Дмитриева, гортань перерезанная рукою сильного злодея, не собственною, не младенческой, свидетельствовала о несомнительном убиении». (Карамзин).

Остаётся фактом то, что Василий Шуйский, допросив в Угличе разных людей, сделал ложный вывод, необходимый Годунову: царевич Дмитрий погиб вследствие роковой неосторожности или падучей, которую стали приписывать ему, хотя очевидной была насильственная смерть.

Последствия были тяжкие. Более десяти участников расправы над сообщниками Битяговского были казнены. Нагие были доставлены в Москву и подвергнуты пыткам, а затем сосланы. Царицу Марию Нагую постригли под именем Марфы и отправили в дальний монастырь на Выксе (около Череповца). Около двухсот угличан казнили, иным резали языки, заточили в темницы, многих вывезли в Сибирь, в городок Пелым. Углич, где насчитывалось до 30 тысяч жителей, запустел.

Заметая следы, Годунов, чтобы отвлечь народ от ужасной трагедии, прибегнул к другому преступлению, приказав, как второй Нерон, поджигать Москву в разных местах, распускать слухи о наступлении крымских татар, а после этого задабривать погорельцев. Все знали истину кровавого угличского события, но кто мог изобличить Бориса Годунова? И мог ли Шуйский поступить без лжесвидетельства? Он знал участь своих родственников и старшего брата Андрея, знал всемогущество Годунова и его неукротимость в стремлении к власти и понимал, что могло ждать его, если бы он принёс Борису другой доклад: получилась ложь во спасение, в чём позже признался сам Василий.

Кратко изложенной здесь версии угличской трагедии придерживались Н.Карамзин, С.Соловьёв, Д.Бутурлин и авторитет на все времена А.Пушкин,

и этого достаточно, чтобы не искушаться противными доводами последующих историков, пытающихся доказать непричастность Годунова к гибели царевича Дмитрия.

Дополним наш рассказ ещё некоторыми рассуждениями.

1. Как мог Борис открыть свой злодейский замысел некоторым ближним? На это убедительно ответил С.Соловьёв встречным вопросом: что оставалось Борису, самому, взяв нож, ехать в Углич?

2. Если девятилетний Дмитрий страдал частыми припадками падучей (правда ли?), то как можно было позволять ему играть в ножики?

3. Если бы царевич наткнулся на нож сам, рана была бы небольшой.

4. Совершенно несостоятельна басня, пущенная позднее Лжедмитрием I про подмену царевича каким-то поповским сыном. Царица Мария в исступлении сама била поленом мамку боярыню Василису Волохову, что не могло быть, если бы погиб попович.

5. У Годунова были все основания опасаться будущего воцарения подрастающего Дмитрия, ибо он являлся прямым наследником царя Ивана. Привязанность народа к истинному наследнику подтвердилась позднее, когда одного его имени оказалось достаточно, чтобы поднять великую Смуту в государстве.

6. Розыск Шуйского и Клешина начался с вопроса собравшимся угличанам, направляющего следствие по заданному заранее пути: по чьему небрежению погиб царевич от собственной руки? Граждане Углича единогласно назвали убийцами Битяговского и его помощников, но такое признание не устраивало комиссию и было с ходу отвергнуто. Начались отдельные допросы в нужном направлении, с пристрастием.

7. Многие предшествовавшие преступные деяния Бориса Годунова на пути к власти не оставляли сомнения, что ради неё он мог пойти на любые меры.

8. И главное, официальной годуновской версии с самого начала не поверил народ, ибо утаить истину было невозможно никакими ухищрениями. Ближе всех стояли к ней угличане, их ярость не могла быть вызвана случайной гибелью царевича.

Преступление в Угличе не оставляет оправдания Борису Годунову в Истории, оно послужило отправной точкой всех бед Смутного времени, ибо ситуацией смогли воспользоваться авантюристы, претендовавшие на трон. Оказалось возможным манипулировать общественным сознанием, склонным признавать только прирождённых царей, не доверяя избранным. Чтобы сму-

тить народ, достаточно было выставить лишь династическое имя.

7 января 1598 года царь Фёдор Иванович, руководимый умом и волею Годунова, скончался, возделенный час правителя настал, дорога к трону была открыта, политическое поле зачищено, говоря нынешним языком. Голландский дипломат Исаак Масса (1587–1635), живший в Москве с 1601 по 1609 год, писал совершенно утвердительно, имея в виду кончину государя: «Я твёрдо убеждён в том, что Борис ускорил его смерть при содействии и по просьбе своей жены, желавшей стать царицей, и многие москвиты разделяли моё мнение». Женой Бориса Годунова была дочь Малюты Скуратова, и это позволяет думать, что по отцу современники судили и о дочерях, потому что несколько позднее такое же подозрение пало на другую дочь Малюты Анну, бывшую замужем за Дмитрием Шуйским, когда был отравлен его племянник – герой Михаил Скопин-Шуйский.

Фёдор поручал царство супруге Ирине, которая якобы тоже подозревала в смерти царя своего брата и даже не хотела видеть его, может быть, в каком-то эмоциональном порыве отказалась от царства, удалилась в Новодевичий монастырь. Не под давлением ли брата, внушавшего опасение? Мы никогда не узнаем, как они решали этот вопрос друг с другом. Если сам Фёдор предписывал Ирине постричься в монахини, оставив престол, как сообщает В.Татищев, то что это означало? Ведь она была ещё молода и красива и могла оставить престол не сразу. По другим сведениям, она сама приняла решение уйти в монастырь. Позднее московский дворянин Пётр Хрущов, выданный донскими казаками самозванцу, обвинил Бориса даже в смерти сестры, не хотевшей благословить на царство его сына: она скончалась летом 1603 года.

Такое же обвинение высказал голландец Элиас Геркман, который приводит имевший ли место упрёк Ирины брату: «Но мне кажется весьма неразумным то, что вы и ко мне обращаетесь с притворными речами, как будто я не знаю всех обстоятельств, хотя я этого не показываю... Кто знает, сколько войн вы предпринимали в разное время для достижения своей цели; сколько людей вы ненавидели...» Якобы Борис был взбешен этими словами, даже ударил сестру в грудь тростью и стал думать, как бы её погубить.

Первое слово в избрании царя принадлежало патриарху, почитавшемуся отцом и наставником государей. Иов, всем обязанный Годунову, убеждал бояр, что преемником должен стать Борис, долго находившийся возле трона и без царского

титула правивший Россией 13 лет, обратился и к самому Годунову с просьбой принять венец, тот стал отказываться, проявив удивительное лицемерие и ханжество. Упрашивали долго, Борис, прикрывшись личиной скромности, смиренно отвечив: «Мне никогда и на ум не приходило о царстве, как мне помыслить на такую высоту, на престол такого великого государя, моего пресветлого царя? Теперь бы нам промышлять о том, как устроить праведную и беспорочную душу пресветлого государя моего, царя Фёдора Ивановича... А если моя работа где пригодится, то я за святые божие церкви, за одну пядь Московского государства, за всё православное христианство и за грудных младенцев рад кровь свою пролить и голову положить» (С.М.Соловьёв).

Шуйские уже заговорили в Думе, что надо избрать другого царя, имея в виду, конечно, превосходство своего старинного рода. Это насторожило Годунова, но своим показным отказом он сумел добиться избрания без договора с боярской Думой, пытавшейся навязать ему некоторые ограничения.

Борис расчётливо вёл свою игру, по сценарию которой москвитян согнали к Новодевичьему монастырю, где он находился у Ирины. Людей понуждали умолять Бориса принять царство, лить слёзы, всей толпой пасть на колени. Примечательно, что, когда патриарх умолял Ирину поручить царство брату, она с раздражением ответила: делайте что хотите.

Преодолевая сопротивление Думы, Борис выжидательно не спешил венчаться на царство, затеял какой-то мнимый поход под Серпухов, где войско просто отдыхало два месяца, и только после этого, задобрив воевод (главных бояр), принял от патриарха Иова шапку Мономаха. Для того был созван собор, на который съехалось около пяти-шести тысяч человек, чтобы избрание царя было освящено всеми правилами, добился утверждения присяги ему соборной грамотой, сугубо подробной, подписанной множеством духовных и прочих чинов, дабы в законности избрания Годунова царём не было никаких сомнений.

Примечательно, что при венчании Борис не смог скрыть неумеренного восторга, воскликнув немислимое: «В моём царстве не будет бедных!» Что получилось в реальности, мы знаем: страшный голод, как Божья кара за все его несправедливые действия.

Спектакль удался, но могло ли быть прочным положение государя, достигнутое столь коварными способами и через невинную кровь царевича Дмитрия? В.Татищев назвал Бориса Годунова похитителем царского трона.

ГРИГОРИЙ ОТРЕПЬЕВ

В момент Борисова торжества в Москве появился молодой человек, которому суждено было вписать в нашу историю самую трагическую страницу. Кажется, провидение послало его, чтобы наказать Бориса Годунова за его хитроумие и коварство на пути к трону, а наказанным оказалось всё царство.

Этот неприметный пока юноша Юрий Отрепьев происходил из дворянской (прежде – боярской) семьи Галицкого уезда. Историк Казимир Валишевский уточняет его происхождение от боярского рода Нелидовых, один из представителей которого, Данила Борисович, получил прозвище Отрепьев. Отец Юрия Богдан являлся стрелецким сотником и был убит в Москве пьяным литвином. Мать второй раз вышла замуж, но про отца ничего не известно. Начиная с Татищева, повторяется сюжет о том, что Юрий Отрепьев был отправлен в Москву для научения письму и здесь принял монашеский постриг под именем Григория. Это было несколько по-другому.

Юшка (Юрий) Отрепьев, прежде чем попасть в Чудов монастырь, служил при дворе Михаила Никитича Романова. Это не было случайностью, потому что Отрепьевы селились возле костромского Железного Борка, и неподалёку находилась вотчина Шестовых, знаменитое впоследствии село Домнино, откуда была родом жена Фёдора Никитича Романова (Филарета), Ксения Ивановна Шестова. Романовы стояли ближе всего к царю Фёдору (Никитичи были его двоюродными братьями), и служба у них обещала ловкому Юшке немалые выгоды.

Когда Борис Годунов вдруг сильно занемог в 1600 году, Романовы надеялись захватить престол. Дошло дело до вооружённой стычки. В результате Никитичи были сосланы в дальние монастыри, старший Фёдор был пострижен с именем Филарет. Многие дворовые, оказавшие сопротивление царским стрельцам, были казнены. Такая опасность и привела Юрия Отрепьева в Чудов монастырь, где монашествовал его дед Замятня Отрепьев.

Этот Замятня прежде занимал важную административную должность, являлся объезжим головой в Москве, то есть отвечал за порядок в определённой части Москвы, а после службы ушёл в Чудов монастырь. У него в келье и нашёл спасение Юрий Отрепьев. Благодаря удивительным способностям к учению он скоро овладел каллиграфическим письмом, сделал стремительную карьеру. Его заметил архимандрит Пафнутий и взял к себе келейником с монашеским именем

Григорий. Вскоре он получил чин дьякона, и сам патриарх Иов доверил ему переписку книг и сочинение канонов.

Такое приближение позволило молодому чернецу не раз сопровождать патриарха в царский дворец, где он слышал разговоры о царевиче Дмитрие, и, вероятно, уже тогда у него зародилась мысль о чудесном спасении законного наследника престола.

Между тем духовный писатель первой половины XVII века князь Семён Иванович Шаховский считал, что монашествовать начал Юрий Отрепьев не в Чудовом монастыре, а пострижен был в юности «в одной убогой галичской обители, Борками называемой, ибо отец и мать его жили близ этого монастыря».

В.Татищев и Н.Карамзин, а вслед за ними известный историк Д.П. Бутурлин (1790–1849) без сомнений излагают официальную версию, связанную с похождениями Григория Отрепьева, идущую от Годунова и его окружения, что может вызывать некоторые вопросы. Появилась легенда, якобы Отрепьева обвинили в ереси, в каких-то высказываниях о царевиче Дмитрие, хотели сослать на Соловки, но он сумел уйти вместе с двумя другими иноками, Варлаамом и Мисаилом, намереваясь пробраться в Литву. Чудовские монахи будто бы подтверждали, что он говаривал про царевича Дмитрия, про то, что «яко царь буду на Москве». Вряд ли он мог высказываться столь опасно. Видимо, всё же Григорий вынужден был бежать из Москвы, сначала в Галич, далее – в Муром, Брянск, Новгород-Северский, Путивль и, наконец, в Киев, где некоторое время трое чудовских старцев находились в Печорском монастыре, где Григорий исполнял обязанности дьякона. Не получив приветов у воеводы Василия Острожского, он некоторое время находился в арианской школе пана Гойского, а затем решил отправиться в Польшу.

Перед тем Григорий свел знакомство с монахом Крыпецкого монастыря Леонидом, которому «повелел зватись своим именем, Гришкою Отрепьевым», а сам, назвавшись царевичем Дмитрием, скинул иноческую одежду и пробрался на Волынь, надеясь получить поддержку своим дерзким планам в Польше, учитывая её враждебность к России. С загадочным иноком Леонидом, согласившимся участвовать в аванюре, мы ещё встретимся. Не он ли обучался военному ремеслу у запорожцев под именем Григория Отрепьева? Здесь же скажем о том, что впервые Григорий Отрепьев якобы открылся в своём замысле, ещё находясь в России, когда беглецы уезжали из Новгорода-Северского. Архимандрит Спасского монастыря, у которого они жили, обнаружил испугавшую его за-

писку: «Я Царевич Дмитрий, сын Иоаннов, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престол отца моего». Настоятель решил благоразумно молчать.

Переодевшись в мирскую одежду, расстрига превратился в обыкновенного бродягу, но каким-то образом сумел поступить на службу к князю Адаму Александровичу Вишневецкому и открылся ему окольным путём. Притворившись больным, просил похоронить его с честью, как хоронят царских детей, мол, объяснение найдёте в свитке, спрятанном в постели. Бумагу нашли, доложили князю Вишневецкому, тот поверил нелепой легенде. В доказательство Гришка показал золотой крест с дорогими камнями, будто бы подаренный крёстным князем Иваном Мстиславским, и объяснил, что в Угличе был зарезан какой-то поповский сын. По другому известию, малоправдоподобному, князь ударил своего слугу в бане, а тот обиженно произнёс: «Если бы ты знал, кого ударил, я московский царевич Дмитрий».

Адам Вишневецкий, не доискиваясь до истины, был прельщён перспективой увидеть своего слугу на московском троне, нарядил его в прекрасные одежды, стал распространять слух о спасшемся царевиче, дошедший до Годунова. Царь просил Вишневецкого выдать ему самозванца, вместо этого тот повез расстригу к брату Константину, а там познакомил его с тестем Константина воеводой Сендомирским Юрием Мнишеком и его дочерью Мариной, в которую наш герой тотчас влюбился. По третьей версии, здесь Гришка открыл своё мнимое имя, положив на окно панны Марины записку с подписью: царевич Дмитрий.

В странствиях Отрепьева по монастырям, а затем в Литве и Польше много тёмных мест и неясностей в хронологической последовательности событий. Под иноческим одеянием скрывалось дерзновенное честолюбивое сердце, Григорий вовсе не мечтал о смиренном пребывании в монашеской келье, его привлекали не посты и молитвы, а подвиги иного свойства. Будучи натурой деятельной, неуёмной, он жаждал славы и возносился в своих помыслах непомерно высоко (что отмечали монастырские братья), и не без оснований, потому что в короткий срок сделал удивительную карьеру в Москве.

САМОЗВАНЕЦ

Итак, монах Григорий Отрепьев сказочно превратился в царевича Дмитрия. Вопрос личности самозванца несколько по-другому трактует Н.И.Костомаров (1817–1885). Он ни слова не гово-

рит о его происхождении, о галичских родителях, об иночестве в Чудовом монастыре, оставляя вопрос открытым: да, объявился на Украине какой-то человек, назвавшийся царевичем Дмитрием, и это объяснимо, потому что буйные казаки всегда были готовы встать под знамёна любого искателя приключений в целях грабежа. Появление самозванца вписывается в контекст тогдашней польской политики, уже не раз поддерживавшей самозванцев в Молдавии. Почему бы не попытаться осуществить это и в России?

Историк Дмитрий Иловайский и вовсе объясняет начало самозванства польскими кознями, а самого Лжедмитрия I считает выходцем из бедной шляхты, а не галицким дворянским сыном. «Адский замысел против Московского государства возник и осуществился в среде враждебной польской и ополяченной западнорусской аристократии», – пишет он и называет три фамилии зачинщиков и организаторов этой гнусной польской интриги: Вишневецкие, Мнишеки и Сапегы. Более того, главную роль в этом сговоре он отводит литовскому канцлеру Льву Сапеге, побывавшему послом в Москве. Посольство прибыло в ноябре 1600 года и было задержано Годуновым в течение девяти месяцев, так что Сапега имел возможность вникнуть в обстановку при московском дворе и войти в тайные связи с противниками Годунова.

Иловайский высказал предположение, что будущий самозванец мог находиться в огромной польской свите и даже остался в Москве и, переодевшись в монашескую одежду, по совету каких-то людей познакомился с Григорием Отрепьевым, и тот сопровождал мнимого Дмитрия на его пути в Литву, а после ездил на Дон за поддержкой казаков, а сам таинственный шляхтич – в Запорожье с той же целью. «...Имеем довольно достоверные сведения, что Григорий Отрепьев сопровождал Лжедмитрия при его походе в Московское государство», – утверждает Иловайский. Однако это вполне объяснимо тем, что настоящий Отрепьев передал своё имя Лжеотрепьеву, который, разумеется, являлся сподвижником самозванца, причём весьма деятельным.

С.М.Соловьёв, рассуждая о личности самозванца, придерживается официальной версии, дескать, если бы им был какой-то польский ставленник, то настоящий Григорий Отрепьев мог легко снять с себя подозрения, явившись в Москву. Так ли это? В Москве его могла ожидать виселица. Будучи человеком и расчётливым, и решительным, склонным к авантюризму, вступив в сговор с Лжедмитрием польского изготовления, Отрепьев мог оценить перспективную выгоду такой связи,

не учитывая только одного: в необходимом момент от него просто избавились бы.

Итак, по версии Д.Иловайского, не отрицая участия в этом сговоре Григория Отрепьева, ему отводится вторичная роль распространителя слухов о мнимом царевиче при главном исполнителе всей интриги каком-то молодом шляхтиче. Примерно так же рассуждает немец Конрад Буссов² в своей «Хронике» (жил в России с 1601 по 1611 год), наиболее полно из всех иноземных авторов сообщивший о событиях Смутного времени.

Эта версия мало подкреплена фактами и вызывает некоторые вопросы. Вероятно, претендент на московский престол должен был хорошо говорить по-русски, быть православным, поскольку иезуиты усердно склоняли его принять католичество. Примечательно, что, став царём, Лжедмитрий не выполнил своих щедрых обещаний о сближении православия с католичеством, не отдал сулимым городов, и это больше похоже на поведение русского человека, хотя есть и обратные доводы. Д.Иловайский выдвигал следующие возражения:

1) Если бы Дмитрий был беглый монах Отрепьев, убежавший из Москвы в 1602 году, то никак не мог бы в течение каких-нибудь двух лет усвоить приёмы тогдашнего польского шляхтича. Мы знаем, что царствовавший под именем Дмитрия превосходно ездил верхом, изящно танцевал, метко стрелял, ловко владел саблей и в совершенстве знал польский язык... Прикладываясь к образам, он возбудил внимание своим неумением сделать это...

2) Названный царь Дмитрий привёл с собою Григория Отрепьева и показывал его народу. Он мог показывать двойника, монаха Леонида. В Москве, конечно, знали настоящего Отрепьева, лучше других был знаком с ним архимандрит Чудова монастыря Пафнутий, который молчал ради своего спасения, может быть, по уговору с самим самозванцем, как молчала мнимая его мать инокиня Марфа.

3) В Загоровском монастыре (на Волыни) есть книга с собственноручной подписью Григория Отрепьева; подпись эта не имеет ни малейшего сходства с почерком названного царя Дмитрия.

Доводы эти, тем не менее, кажутся не совсем убедительными. Будучи молодым человеком, весьма сообразительным, ловким и отважным, Отрепьев мог в короткое время научиться владеть оружием, не говоря о некоторых манерах, тем более что в Польше он провёл около двух лет. Сведений о совершенном знании самозванцем польского языка не имеется, есть противоположные утверждения, во всяком случае, договор

Юрия Мнишека с Лжедмитрием написан по-польски рукою Мнишека, а к нему приложен русский перевод, вероятно сделанный самозванцем. В Москве при нём были двое иезуитов и секретарь Ян Бучинский, писавший его письма к королю и к папе по-польски. Историк Казимир Валишевский ссылается на письмо мнимого Дмитрия к папе Клименту (в латинском переводе и якобы писанное рукой Дмитрия), но Жак Маржарет, служивший самозванцу, утверждает, что тот совсем не умел писать по-латински. О надписи на книге судить трудно, дело совсем тёмное.

Лев Сапега, прибывший в октябре 1600 года со своим многочисленным посольством, находился в Москве примерно до августа 1601 года, в это время слухи о самозванце уже стали появляться не только при дворе, но и в народе. Безусловно, могла созреть мысль использовать легенду о чудесном спасении Иоаннова сына для наведения смуты в государстве, тем более что многие бояре испытывали желание отомстить Годунову за его гонения против их родственников, и здесь их интересы совпадали с интересами польско-литовского руководства. Сам царь подозревал прежде всего родовитых Романовых, Шуйских, Мстиславских, Голицыных, запретил жениться Фёдору Мстиславскому и Василию Шуйскому, чтобы их дети не могли соперничать с его сыном в претензиях на престол.

Допустим, Лев Сапега оставил в Москве своего агента, но задачей ему было поставлено не самому вживаться в роль царевича Дмитрия, а подготовить подходящую для этого кандидатуру. Выбор пал на умного, предприимчивого, решительного монаха Григория Отрепьева, бывшего докой в религиозных вопросах, поскольку сам патриарх оценил его способности. Интерес Григория к жизни двора во время посещений его вместе с Иовом можно объяснить подготовкой к будущей деятельности. Возможно, маршрут следования Григория Отрепьева был предоставлен названным агентом. Не случайно кандидат в самозванцы оказался в усадьбе доверчивого вельможи Адама Вишневецкого, ревнителя православия.

Француз капитан Жак Маржарет³, служивший самозванцу, заканчивает свои «Записки» утверждением: «...Я заключаю, что он был истинный Дмитрий Иванович, сын императора Иоанна Васильевича, прозванного Тираном». По версии Маржарета, из Москвы бежал вместе с Григорием Отрепьевым, которому было около 35 лет, молодой монах (царевич Дмитрий). Этот молодой ушёл в Польшу, а Григорий Отрепьев отправился на Дон возбуждать казаков. И в Москве Дмитрий показы-

вал настоящего Отрепьева, а потом отправил его в Ярославль. Якобы и после гибели самозванца сосланный клялся, что он настоящий Григорий Отрепьев, Шуйский велел доставить его в Москву, а дальнейшая судьба его неизвестна.

Известный знаток Смутного времени С.Ф.Платонов пришёл к выводу: «Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока сокрыта».

Кажется, ближе всех к истине оказался В.Ключевский с его знаменитой фразой: «Самозванец был только испечён в польской печке, а замешен в Москве». Тожество Лжедмитрия I и Григория Отрепьева, хотя и недоказанное, представляется наиболее вероятным. Кто бы им ни был, все понимали, что это авантюрист, но все ухватились за него в надежде на исполнение своих желаний и целей. Для польской верхушки был найден предлог для вмешательства в российские дела с надеждой иметь своего ставленника на московском троне. Российское оппозиционное боярство мечтало избавиться от ненавистного им царя Бориса, воспользовавшись общей смутой.

Обстановка в Московском государстве для возникновения самозванства складывалась самая благоприятная: загадочная смерть последнего Рюриковича, недовольство опальных бояр происками Годунова, длительный голод как наказание всему государству за грехи царя, мятежные настроения казацких окраин – всё являлось питательной почвой для широкого народного брожения.

Когда в Польше открыто признали в самозванце царевича Дмитрия, наибольшее участие в его судьбе принял сенатор, сендомирский воевода Юрий Мнишек, находившийся тогда в затруднительном материальном положении. Ему не важно было, кем является мнимый Дмитрий, голова шла кругом от фантазий и надежд, связанных с будущим воцарением молодого претендента на московский престол. Интриган воевода, отбросив всякие сомнения, принял решительно содействовать сомнительному предприятию.

Сюжет хитроумной польской интриги был разработан классически: рыцарь удачи найден (его оставалось подготовить), рядом с ним должна быть дама сердца, и вот как бы случайно наш герой встречает очаровавшую его пани Марину. Интрига усиливается тем, что её раскручивает корыстолюбивый воевода Юрий Мнишек, просчитавший наперёд свои выгоды от столь захватывающего предприятия, сулящего, в случае успеха, головокружительный взлёт его дочери и самому ему. Авантюра, но какая заманчивая.

Прежде всего Мнишек и князь Вишневецкий добились того, что самозванец был принят в Кракове королём Сигизмундом. Об этом же усердно хлопотал (даже через папу) нунций Рангони, легко склонивший Лжедмитрия к принятию католического вероисповедания, что свидетельствует о его православном крещении. Не случайно перед встречей с королём мнимый Дмитрий обедал в доме Рангони, где была подтверждена соответствующая договорённость в видах дальнейшего сближения православия с католичеством. Для иезуитов не важно было, кем являлся претендент, истинным Дмитрием или самозванцем, их прельщала возможность использовать своего ставленника в целях проникновения в Россию и распространения католицизма. Не случайно иезуиты пришли в Москву вместе с Лжедмитрием. Обвиняя их, Пётр Петрей⁴ (шведский дипломат, приехавший в Москву в 1601 году) даже называет папу дьяволом.

Король несколько уклончиво, чтобы не нарушать перемирия с Москвой, не обещал искателю трона войска, переложив эту заботу на сендомирского воеводу и Вишневецких. Здесь важную роль сыграла позиция коронного канцлера Замойского, выступавшего против помощи самозванцу. Тем не менее весной 1604 года началась деятельная подготовка к вторжению в Россию, особенно рьяно взялся за дело воевода Юрий Мнишек. От имени ложного царевича рассылались грамоты, возбуждающие людей, и многие, пока ещё мысленно, уже отложились от Бориса, имея желание видеть на московском престоле природного, законного по наследию царя.

Царь Борис прилагал все усилия, чтобы установить личность самозванца. Для его разоблачения в Краков прибыли боярский сын Яков Пыхачев и спутник Григория Отрепьева по побегу из Чудова монастыря инок Варлаам. Король, не заинтересованный в таком разоблачении, отправил их в Самбор к самозванцу. Опасные разоблачители понесли кару: Пыхачев был казнён, а Варлаама бросили в темницу.

Кажется большим легкомыслием, но до чего может довести честолюбие, Мнишек даже согласился выдать замуж дочь Марину за сомнительного царевича. Ставка была высока: увидеть дочь царицей московской! В то же время Юрий Мнишек постарался оговорить свою помощь договором с расстригой, а согласие на брак дочери с ним – условием: свадьба должна состояться после восшествия Лжедмитрия на престол московский. В нём говорилось: «Мы, Дмитрий Иванович, Божию милостию Царевич Великой России, Углицкий, Дмитровский и проч., Князь от колена предков своих, и

всех Государств Московских Государь и наследник, по уставу Небесному и примеру Монархов Христианских избрали себе достойную супругу, Вельможную Панну Марину, дочь Ясновельможного Пана Юрия Мнишека, коего считаем отцом своим, испытав его честность и любовь к нам, но отложили бракосочетание до нашего воцарения: тогда – в чём клянёмся именем Св.Троицы и прямым словом царским – женюсь на Панне Марине, объявляюсь выдать немедленно миллион золотых... Будущей супруге нашей уступить два Великих Государства, Новгород и Псков со всеми уездами и пригородами...» Далее Лжедмитрий прямо подтверждает принятие им католической веры, «с твёрдым намерением ввести оную во всё Государстве Московском». А самому Мнишеку в благодарность обещал Смоленск и северские города.

Ради достижения заоблачной цели самозванец легко раздавал обещания, сжигая позади себя всякие мосты. Между тем рассылаемые грамоты и агенты самозванца делали своё дело, будоражили украинную Россию, особенно казачество, готовое к разбою под любыми знамёнами.

ЦАРЬ БОРИС

Мы остановились на том, что на московском троне утвердился оттеснивший знатнейших бояр Шуйских и Романовых неродовитый Борис Годунов, сильный своей близостью к последнему государю потомства Калиты. Венчание на царство было как никогда торжественным и пышным, Борис не скупился на ласковые обещания, одаривал бояр и служивых людей, устроил для них грандиозный пир во время праздного стояния войска под Серпуховом.

По описаниям современников (наших и иностранных), Борис Годунов имел благородную внешность, выразительные чёрные глаза, вельможную осанку, величавые манеры, что немудрено после стольких лет пребывания возле трона. Многих превосходил он умом, хотя не имел большого образования. Достоинно внимания, что задолго до Петра I он начал посылать дворянских детей для обучения в Англию и Германию, учредил Аптекарский приказ и был благосклонен к медикам, к учёным, вообще к иностранцам. При нём расширилась Немецкая слобода. Годунов умножил число служилых наёмников, одаривал их милостями, и потому в Смутное время мы видим много иноземцев в московском войске.

Приняв царство, Годунов продолжил привычную деятельность, поскольку являлся фактическим

Марина Мнишек

Борис Годунов

Дмитрий I

Василий Шуйский

Дмитрий II

Личная подпись
Дмитрия I

A handwritten signature in Cyrillic script, likely belonging to Dmitry I, written in a cursive style.

правителем при Фёдоре Ивановиче. Обещал народу благоденствие и являл ещё большее усердие в делах государственных. Начало царствования Годунова оказалось благоприятным. Соседи, Литва и Швеция, не беспокоили Москву, будучи втянуты в свои междоусобия, но и здесь не обошлось без коварства со стороны Бориса.

В.Татищев и Н.Карамзин рассказывают историю несостоявшегося сватовства шведского принца Густава к дочери Годунова Ксении. При этом у Годунова был свой политический умысел: обеспечить содействие Швеции в борьбе за Ливонию. Густав был привезён в Москву (1599 год), обласкан, одарен, получил в удел Калугу, но не отказался от своей веры и от привезённой любовницы, за что впал в немилость со стороны Бориса, не выпустившего его из России. Вместо Калуги Густав получил бедный Углич, где находился и после смерти Бориса. Умер в 1607 году и похоронен в Кашине.

Желая породниться с одним из европейских дворов, как бы в противовес достоинству родовитых бояр, Годунов нашёл другого жениха дочери Ксении, датского герцога Иоанна. Жениха с почётом доставили в Москву, так же окружили всякими милостями, уже намечали на зиму свадьбу. Вмешались роковые обстоятельства: во время богомольной поездки в Троицкую лавру юный жених заболел и скончался от горячки. Царь Борис лил неутешные слёзы, скорбела и вся Москва. В.Татищев подозревал Бориса в том, что он, видя любовь москвитян к герцогу датскому и, видимо, предполагая опасность с его стороны сыну Фёдору, «многие досады ему учинил, после чего он вскоре умер или скорее уморён был... Но сие их (Годуновых) злодейство всевышний Бог не желал оставить без наказания». Заботливый отец в своих дальновидных планах перехитрил самого себя, обрёл любимую дочь на роковые несчастья.

Якобы в тот же день, когда хоронили герцога, из Польши доставили письмо с сообщением о человеке, называющем себя царевичем Дмитрием. Встревоженный и опечаленный Годунов тотчас послал людей разузнать всё о самозванце.

Желая счастья дочери, Борис искал ей в Европе третьего жениха. До сватовства дело не дошло, оно осталось без исполнения по причине надвигающихся событий. Красавице Ксении суждено было поплатиться за грехи отца.

Избегая войн, осторожный Годунов укреплял государство. Он сумел заключить вечный мир со Швецией, а с Польшей – перемирие на 21 год, свёл дружбу с датским королём Христианом и наладил отношения с крымскими татарами. Благо-

даря его стараниям развернулось широкое строительство в Москве, обнесённой каменной стеной. Ещё в бытность правителем, он же поставил в Москве Белый каменный город. Возникали новые города в только что завоеванной Сибири: Верхотурье, Томск, Мангазея и другие. Особенной заслугой Годунова было возведение грандиозной Смоленской крепости под руководством архитектора Фёдора Коня. Именно благодаря этой крепости героические её защитники во главе с воеводой Шеиным выдерживали долговременную осаду Смоленска польским королём Сигизмундом III.

Несомненно, Годунов старался деятельно вести дела государственные, чтобы снискать доверие народа, выполнить данные ему обещания в оправдание своих грехов. И поначалу всё шло благополучно, его чтили и в своём отечестве, и в иных государствах. Он заботливо опекал горячо любимого сына Фёдора, приобщал его к наукам, видел будущим государем и готовил достойного преемника себе. Вместе с ним появлялся на приёме иностранных послов в Думе, демонстративно прислушивался к советам Фёдора. Предусмотрительность расчётливого Бориса оказалась тщетной.

Достигнув трона всякими ухищрениями и кознями, царь Борис страдал болезненной мнительностью, жил в постоянном ожидании какой-то опасности со стороны противников. Не доверяя любви народной, велел сочинить особую молитву, восхваляющую его как венценосца, Богом избранного, и приказал произносить её на всех службах и даже в домах россиян. Молитва эта величала его имя, «чтобы россияне всегда с умилением славили Бога за такого монарха, коего ум есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпения... Чтобы юные цветущие ветви Борисова Дома возрастали благословением Небесным и непрерывно осенили оную до скончания веков...» Опасливая предусмотрительность не оправдалась. Столь непомерным тщеславием не заглушил муки совести, стал ещё более подозрителен, поощрял доносы и шпионство, особенно когда появились первые слухи о самозванце.

Будучи боярином, выказывал величие властителя, но, став царём, не проявлял решительности (в особенности – ратной), напротив, чувствовал себя неуверенно, с подозрительностью относился к окружающим, ожидая от них коварство, которое проявлял сам. Именно это «несоответствие занимаемой должности» было причиной того, что перед своим венчанием на царство он устроил поход-праздник для войска, задабривал его подарками, желая обезопасить себя, внедрил целую сеть наушников, которые своими извещениями сгуби-

ли многих заподозренных. Чего стоит его восторженная фраза, вырвавшаяся у него при воцарении: «В моём царстве не будет бедных людей», выдававшая человека, занявшего трон не по праву.

Прежде Годунов спас от народного гнева родственника жены Фёдора Богдана Бельского, сослав его в Нижний Новгород, теперь снова отправил подальше от себя: строить на Северном Донце крепость своего имени, Борисград.

Более всего Борис не доверял Романовым-Юрьевым. Как было сказано, почтенный боярин Никита Романович являлся братом жены Грозного Анастасии. У него было пятеро детей, двоюродных братьев покойного царя Василия Ивановича. Старший Фёдор – известный в истории митрополит и патриарх. Подкупив прислугу Романовых, им подложили какие-то мешки с травами и обвинили в том, что они готовили зелье для отравы царя. Выдуманное преступление стало поводом для ареста не только Романовых, но и их ближних, князей Черкасских, Шестуновых и других. Всех ковали железом, жестоко допрашивали на пытках и отправляли в дальние ссылки. Фёдора Никитича сослали в Сийскую обитель и там постригли с именем Филарет, его жену Ксению отдельно – в Заонежье, и тоже постригли. Остальных – по разным местам: к Белому морю, в Вятку, в сибирский Пелым, в Чебоксары, на Белозеро, куда вместе с семьёй князя Черкасского Бориса Камбулатовича (зятя Романовых) был отправлен и шестилетний сын Фёдора Никитича Михаил, будущий царь. Всех держали под крепким караулом, некоторых в темницах, скованными. Таким подлым способом, с помощью вымышленного заговора, Годунов сразу избавился от всех Романовых. Некоторых намеревался извести голодной смертью, но провидению было угодно, чтобы благодаря доброхотам, тайком приносившим еду, они выжили (в частности, остались живы Филарет и его жена). Впоследствии Борис несколько смягчил опалу, а Филарета возвёл в сан архимандрита, оставив там же, в Сийской обители.

«Новый летописец» (летописание начала XVII века) приводит длинный список жертв годуновской опалы, Романовых и их родственников: Александра Никитича сослали к Студёному морю в Усолье, там его удушили; Михаила Никитича Романова царь сослал в Пермь, и там, в тюрьме, его удавили; Ивана Никитича и Василия Никитича сослали в Пелым, где Василия Никитича удавили. Пострадали также Репнины, Сицкие и другие.

В своих опасениях царь Борис дошёл до изуверства: запретил жениться Василию Шуйскому

(старшему из братьев) и князю Мстиславскому, дабы у них не было детей, которые могли отодвинуть его сына от престола. Шуйские не раз попадали в опалу, Борис вёл за ними неусыпное наблюдение, следил за всеми, кто с ними общается. Встревоженный донесениями о самозванце, он сбросил с себя личину добродетельного отца народа, сосредоточился на том, чтобы жестокими мерами утвердить свою власть, преследовать неугодных: достаточно было лишь произнести имя царевича Дмитрия, чтобы тотчас подвергнуться пыткам. Сам Годунов в страхе перед призраком воскресшего Дмитрия не называл опасное для него имя. Разыскивали преступника, закрыв границу с Литвой, хватали подозреваемых. Доносительство размножилось небывалое, даже родственники выдавали друг друга. Н.Костомаров предполагал, что, не сыскав злодея, Годунов и его ближние сами предоставили эту роль бежавшему чудовскому монаху Григорию Отрепьеву. Всё же было проведено тщательное дознание перед патриархом Иовом трёх монахов, сопровождавших Отрепьева на пути в Литву, однако после того, как беглец сбросил иноческую одежду, след его терялся, что и дало повод к разным догадкам. Кем бы ни был самозванец, Годунов понимал, что появление его – дело рук московского боярства. То же самое утверждал живший тогда в Москве немец Конрад Буссов.

Борьба с грозным призраком ожившего Дмитрия, явившимся с отмщением, приводила Бориса в трепет. Был ли он уверен в гибели царственного отпрыска? Вряд ли он мог сомневаться в этом, но, сознавая свой святотатственный грех, испытывал ужас перед приближающимся фантомом. Вокруг углицкого дела оказалось много мифологии, таинственности, слухов, весьма опасных для Годунова. Будто бы самозванец дерзко писал ему, требуя, чтобы он признал его, сложил венец и отправился в монастырь. Понятно, что никакой монастырь не спас бы жизнь Борису.

Для изобличения ложного царевича в Польшу был направлен дядя инока Григория Смирной-Отрепьев, но польские вельможи под разными предлогами не показали дяде самозванца, соблюдая свой интерес независимо от того, был ли он Григорием или нет. Примечательно, что послан был Смирной-Отрепьев от имени бояр, а в наказе не было ни слова о Гришке Отрепьеве, только какие-то второстепенные вопросы. С.Соловьёв упоминает о посылке к Сигизмунду другого гонца, племянника Прокофия Ляпунова, который от имени бояр просил короля помочь самозванцу. Если это так, то заговор бояр имел место.

Он же приводит любопытное письмо Годунова к королю следующего содержания: «В вашем государстве объявился вор-расстрига, а прежде он был дьяконом в Чудове монастыре и у тамошнего архимандрита в келейниках, из Чудова был взят к патриарху для письма, а когда он был в миру, то отца своего не слушался, впал в ересь, разбивал, крал, играл в кости, пил, несколько раз убежал от отца своего и наконец постригся в монахи, не отставши от своего прежнего воровства, от чернокнижничества и вызывания духов нечистых. Когда это воровство в нём было найдено, то патриарх с освященным собором осудили его на вечное заточение в Кириллов Белозерский монастырь, но он с товарищами своими, попом Варлаамом и клирошанином Мисаилом Повадиным, ушёл в Литву. И мы дивимся, каким обычаем такого вора в ваших государствах приняли и поверили ему, не пославши к нам за верными вестями. Хотя бы тот вор и подлинно был Дмитрий Углицкий, из мёртвых воскресший, то он не от законной, от седьмой жены».

С подобными разоблачениями позже (в январе 1605 года) выступил в своей грамоте духовенству патриарх Иов, пытавшийся своим авторитетом убедить народ, что под именем Дмитрия скрывается вор, беглый чернец расстрига Гришка Отрепьев, но уже все отвернулись от Бориса и готовы были признать за правду вымышленные сказки о спасении угличского Дмитрия.

Все эти обвинения Григория Отрепьева в воровстве, чернокнижии, разгульной жизни явно выдуманы для вящей убедительности, что проходимец и обманщик должен быть казнён или, по крайней мере, выдан Москве. Раздражённый тон письма выдаёт бессилие царя Бориса при всём его могуществе. Враг скрытный и опасный, его не видно пока на поле брани, а того опасней молва народная. Борис растерян, он тщетно ужесточает наказания по доносам: имя царевича Дмитрия произносится сочувственно и с надеждой, дескать, объявился законный наследник трона.

В столь беспокойное для рокового царя Бориса время Россию постигла кара небесная: случился небывалый длительный голод, подорвавший в полном смысле здоровье государства. Началось в 1601 году, когда всё лето шли проливные дожди, а потом ударили ранние морозы. Урожай погиб, не было его и в следующее лето, потому что нечем было сеять. Голод был страшный, люди ели кошек, собак, сено, даже друг друга. Только из Москвы было свезено на загородные кладбища 127 тысяч трупов, а всего, с учётом похороненных возле многочисленных московских церквей, предполагали около 500 тысяч погибших. Авраамий Палицын пи-

сал: «За два лета и четыре месяца, считающее по повелению царёву, погребено в трёх скудельницах 127000 толико во единой Москве. Но что се? Тогда быв в царств. граде боле четырёх сот церквей: у всех же тех неведомо колико погребошо христоролюбцы; а ячее во всех градах и селех никто же исповедать не может...» Конрад Буссов клянётся, что видел собственными глазами, как люди лежали на улицах и, подобно соту, пожирали летом траву, а зимой сено... Не сосчитать, сколько детей было убито... Человеческое мясо, мелко-мелко нарубленное и запечённое в пирогах, продавалось на рынке за мясо животных... Насчёт убитых детей – преувеличение иностранца, склонного к жуткому натурализму в описании жестокостей невежественных москвитов.

Для устранения ужасного бедствия Годунов принял все возможные меры: не позволял завышать цены на хлеб, и без того запредельные. Принуждал силой отбирать хлеб у зажиточных, посылал обозы в дальние районы, даже отворил царские житницы и истратил большую часть казны, скопленной в благополучные годы.

Голод способствовал усилившемуся бегству крестьян и холопов в Украину, на Дон и в Поволжье, за счёт чего пополнялись ряды мятежного казачества. Спутниками стихийного бедствия стали толпы бродяг, грабежи и разбои на дорогах и в самой Москве. Размах движения обездоленных привёл к появлению неподалёку от столицы большого отряда грабителей под водительством некоего Хлопка. По дорогам нельзя было ни пройти ни проехать. Посланный для поимки этого вожака воевода Фёдор Басманов был убит в столкновении с мятежниками. Эти события явились предвестниками гражданской войны. Их очевидец швед Пётр Петрей считал, что «Борис Годунов был избранным оружием, корнем и началом» всех невзгод Смутного времени.

Ещё до выхода из Польши Лжедмитрий прислал Годунову грамоту, в которой укорял его, подробно перечисляя все его вины и душегубства, и уже властно требовал покаяния. Есть подозрение, что кто-то более осведомлённый в московских событиях, начиная со времён Грозного, помогал ему сочинять это письмо, несомненно усилившее смутение в душе царя. Не тогда ли, потеряв уверенность в себе, он почувствовал, что рука его слабо держит скипетр? После этого спал ли он хоть одну ночь спокойно, находясь как бы в осаждённой крепости? Погубив Дмитрия Углицкого, Борис подготовил могилу себе.

Двадцатилетнее правление Годунова (13 лет при Фёдоре Ивановиче и 7 лет царствования), ка-

залось бы, в спокойную пору без войн, не принесло России ни благоденствия, ни высокой чести, напротив того, ввергло страну в страшные бедствия, разор и смуту.

ПОХОД В РОССИЮ

Около полугода Лжедмитрий и Юрий Мнишек готовились к походу, собрав во Львове, где старый воевода был старостой, небольшое сбродное войско искателей удачи. 15 августа 1604 года выступили в поход, а в октябре вторглись в земли Московского государства. Главным воеводой был Мнишек.

Напрасно в это время обличал самозванца в сейме коронный канцлер Замоиский: «Этот Дмитрий называет себя сыном царя Ивана... Он же говорит, что наместо его умертвили другого! Помилуйте, что это за Плавтова или Теренцева комедия?.. Да если бы пришлось возводить кого-нибудь на престол, то и кроме Дмитрия есть законные наследники – дом владимирских князей: право наследства приходится на дом Шуйских. Это видно из русских летописей». Видимо, Замоиский хорошо был осведомлён не только в русской истории и как бы предвосхитил скорое воцарение Василия Ивановича Шуйского. Осуждения самозванца оказались запоздалыми, так как он уже покинул Польшу, а может быть, и сейм умышленно созвали тогда, когда уже нельзя было остановить заведённый механизм.

Между тем самозванцу сдался Чернигов, где сами жители связали воеводу. Самозванец, хорошо осведомлённый о вольностях мятежной Украйны, рассчитывая на поддержку казачества, пошёл к северским городам, минуя короткий путь на Москву. Дело в том, что северская земля являлась прибежищем вольницы, которую ещё Иван Грозный использовал как щит против набегов крымских татар.

Приступ к Новгороду Северскому оказался неудачным: воевода Пётр Басманов отбил его. В стане Лжедмитрия начались разлад и взаимные укоризны, но уже весть о явлении сына царя Ивана катилась впереди мнимого царевича. Пришла ободряющая весть о том, что воевода Василий Рубец-Мосальский сдал самый укреплённый северский город Путивль. На сторону самозванца стали переходить и другие города.

Только теперь Годунов начал собирать большое войско в Брянске, где стоял воевода Дмитрий Шуйский, назначенный по родству с Борисом Годуновым (являлись свояками). Новым воево-

дой был прислан князь Фёдор Мстиславский, вступивший в сражение с самозванцем под Новгородом Северским. Несмотря на большое численное превосходство, московское войско потерпело полное поражение, потеряв несколько тысяч убитыми. Сам воевода Мстиславский был ранен и едва остался жив.

На подкрепление ему вторым воеводой был отправлен князь Василий Иванович Шуйский. Тем временем самозванец, ободрённый первым успехом, видя малое усердие Борисовых воевод, предпринял новое смелое наступление под Добрыничами, но на сей раз был разбит наголову. Думали, что и сам Лжедмитрий погиб, он сумел ускакать сначала в Рьльск, а потом перебрался ближе к границе, на случай бегства, и укрылся в хорошо укреплённом Путивле. Решил, что дело проиграно, и намеревался вернуться в Польшу, тем более что главный его воевода и заединщик Юрий Мнишек уже уехал под предлогом участия в сейме, решив, что вторжение в Московское государство проиграно.

Теперь сами мятежники, оставшиеся при самозванце, не отпускали его, боясь мести со стороны Годунова. Московское войско и в самом деле жестоко расправлялось со сторонниками самозванца. Однако число его приверженцев не уменьшалось. В Путивль пришёл большой отряд казаков. Годунов, недовольный вялыми действиями воевод, не поймавших окаянного Гришку, упрекал их, возбуждая недовольство и с их стороны. К тому же после победы при Добрыничах Годунов выделил среди воевод стойкого защитника Новгорода Северского молодого Петра Басманова, пригласил в Москву, щедро одарил его.

Московские воеводы осадили городок Кромы, где засел храбрый донской атаман Григорий Корела. Попытались взять Рьльск и, не добившись успеха, отвели войско зимовать в Комарицкую волость, где жестоко расправились с жителями за поддержку ими самозванца. Он же, воспользовавшись длительной передышкой, значительно укрепил свои позиции в Путивле и других городах. На помощь осажденным Кромам послал четырехтысячный отряд казаков, прошедший в город без препятствий белым днём.

В.Татищев повествует сомнительный эпизод о посылке Басманова в войско самозванца, якобы для переговоров с поляками, но с целью изобличить Гришку Отрепьева перед народом московским. Приехав в войско Лжедмитрия (под Кромами), Басманов начал съезжаться с поляками, то есть вести переговоры. Самозванец, заметив, что Басманов узнал его, сказал ему наедине: «Ты знаешь, что я хотя не царевич, однако ж я имею воз-

можность тебя сейчас погубить, только не хочу. И тебя тем уверяю, что мне ни престол российский, ни же власть светская не нужны, но только хочу отменить кровь государей моих и знатных людей от такого мучения и разорения избавить. А потом, ежели я вам неугоден, избирайте на царство кого хотите. Ежели же вы мне в том противиться будете, то я принуждён силою домогаться и невинных вместе с виновными губить». Услышав это, Пётр Басманов обещал служить ему и других обращаться к тому же. Явившись в Москву, так и поступил в сговоре с боярами, противниками Годунова. Царю же рассказал только о том, что узнал расстригу, приметил и бородавку на правой щеке, о которой было известно. Пётр Петрей даёт такой портрет Григория Отрепьева: «Одна рука у него была длиннее другой, на левой стороне носа у него была бородавка, волосы были тёмные и жёсткие... роста он был небольшого и коренастый». Примерно такими чертами наделяют самозванца и другие авторы, только бородавку помещают то слева, то справа от носа, что объяснимо: как смотреть.

На Красной площади собрали народ, и Басманов заявил совсем обратное: видел подлинно царевича Дмитрия, а не Отрепьева, после чего бежал к ложному Дмитрию в Путивль. А Борис от уныния впал в печаль, разболелся и умер.

Этот рассказ похож на сочинение летописца. С какой бы стати Лжедмитрий позволил находиться в своём войске самому стойкому врагу? Какая необходимость была ему открываться перед Басмановым? Скорее всего, он оковал бы его или предал смерти. Если бы подобные события имели место, то Фёдор Борисович и его мать не послали бы Петра Басманова главным воеводой в войско при Кромах. При живом царе Борисе Басманов не мог изменить своему благодетелю, предательский план созрел позднее, когда воевода увидел небоеспособное смятенное войско и явный заговор военачальников, когда он честолюбиво исчислил свои выгоды от сближения с претендентом на трон, кем бы он ни был.

Исполняя царёв приказ, воеводы начали вяло осаждать Кромы, некоторые дела это уже «норвя окаянному Гришке». Борис терзался желанием скорейшего избавления от соперника, его подозрительность к своему окружению усиливалась, расправы с неугодными продолжались. Внешне сохраняя спокойствие, он уже не мог иметь уверенности в торжестве над самозванцем.

В то же время, находясь в Путивле, самозванец в доказательство, что Годунов ложно называет его расстригой, показывал настоящего Григория Отрепьева народу. Настоящего ли? Вспомним про

монаха Леонида, которому Отрепьев передал своё имя, и то, что рядом с Лжедмитрием в его походе в Россию находился некий Григорий Отрепьев. Есть также упоминание об активной деятельности Леонида в Ельце в пользу Лжедмитрия. Н.Костомаров сообщает, что Лжедмитрий показывал Григория Отрепьева в Москве, а С.Соловьёв опровергает такое утверждение, о чём скажем позже.

Случилось неожиданное: 13 апреля 1605 года Борис Годунов неожиданно скончался, произошло это после обильного обеда, когда у него вдруг пошла кровь изо рта, носа и ушей. Предполагают, что он в отчаянии отравил себя. Похожие признаки отравления были у галицкого князя Дмитрия Юрьевича Красного. Похититель трона, достигший его путём изворотливости и многочисленных преступлений, не избежал суда небесного. Призрак убиенного царевича Дмитрия оказался сильнее царского могущества. Понятно было, что власть Годунова долго не устоит, что зло порождает зло, что недовольство отстранённых рано или поздно проявится новыми казнями и заговорами. Годунов устрасился не самого Лжедмитрия, а лишь его тени, смутно обозначившейся ещё где-то далеко в Польше. Божий суд настиг его в трепете, когда он почувствовал, что скипетр уже выпал из его преступных рук.

При всей гибкости ума и деловой активности Годунова могло ли его царствование продолжиться благополучно? Могли ли остаться без отмщения его изветы, козни и коварства, ложные обвинения самых видных бояр и тихие расправы над ними в заточениях? Бог терпелив, но рано или поздно воздаёт каждому по его грехам.

Оценивая деятельность Бориса Годунова, С.Платонов берёт его под защиту, дескать, «выяснился большой правительственный талант Бориса» и нет возможности «дать безошибочную оценку его моральных качеств». Несомненно, нравственные начала важнее деловых качеств человека. Признавая управленческие способности Годунова, его ум, стремление к образованности, как раз о моральных его качествах можно судить определённно по многочисленным козням, интригам и опалам, против тех, кто стоял на его пути: казнил, томил в темницах, в дальних ссылках, изводил разными средствами, дойдя до крайности кровавым святоубийством в Угличе. Этих преступлений история не может простить ему.

Перед своей кончиной, не надеясь на усердие войска, Годунов пытался избавиться с помощью яда от ненавистного самозванца – не удалось, посланные монахи были схвачены.

Борис Годунов завещал царство сыну Фёдору,

которого приобщал к наукам, готовил к управлению государством и во всех грамотах ставил имя молодого Фёдора рядом со своим, подчёркивая преемственность царской власти. Например, он писал воеводе Фёдору Мстиславскому: «Государь и сын его жалуют тебя, велели тебе челом ударить».

Москва целовала крест шестнадцатилетнему Фёдору, во все концы государства были отправлены грамоты, чтобы «не было ни одного человека, который бы нам креста не целовал». Должного воздействия никакие строгие наказания теперь не производили, уже усилились ожидания якобы законного наследника Иоаннова.

Мстиславского и Шуйского отозвали в Москву, а новым главным воеводой назначили храброго и верного, как казалось, Петра Басманова, отправленного приводить к присяге войско вместе с митрополитом Новгородским Исидором. Н.Карамзин пишет, что войско присягнуло Фёдору, Исидор отправился в Москву доложить об этом царю Фёдору. Д. Иловайский излагает этот момент по-другому: будто бы в войске возник шум, поднятый рязанскими дворянами Ляпуновыми, кричавшими, что «знают одного законного государя Дмитрия Ивановича», а Исидор обратился вспять.

В войске оставались враждебно настроенные к Годуновым князья Голицыны, Иван и Василий, и Михаил Салтыков, склонявшие Басманова к измене Фёдору. Зрел более широкий заговор с участием рязанских дворян Ляпуновых во главе с известным Прокофием Ляпуновым и другими военачальниками. Хорошо зная настроение москвитян и шатость вверенного ему небоеспособного войска, Басманов видел, что удача и конечный успех склонятся в пользу Лжедмитрия, что Фёдор Борисович является слабым соперником ему. Что при таком исходе ожидало Басманова? Бесславная гибель. Предавшись самозванцу, он становился самым близким новоявленному царю человеком.

Историк Руслан Скрынников, изучивший историю Смуты, называет ещё одну причину измены Петра Басманова: у него не было желания сохранять верность царице Марии Григорьевне, дочери Малюты Скуратова, по наговору которого был казнён один из организаторов опричнины А.Д.Басманов, а его сын Ф.А.Басманов замучен в темнице.

При нерадении воевод, уже прельщённых подмётными письмами и манифестами Лжедмитрия и настроенных против Годуновых, огромное московское войско три месяца топталось перед малым городком Кромы. Последним толчком к измене послужило якобы ложное письмо самозванца, в котором он сообщал, что на помощь к нему

идёт многотысячное польское войско. Гонец с этим письмом умышленно дался в руки московским воеводам, произведя на них соответствующее впечатление.

7 мая Басманов собрал войско и объявил о признании Дмитрия законным наследником престола. Некоторые отказались присягать ему. Воеводы князь Михаил Катырев-Ростовский и князь Андрей Телятевский со своими сторонниками ушли в Москву. Князь Иван Голицын отправился к самозванцу сообщить ему о переходе войска на его сторону. При этом некоторые из делегации князя узнали в самозванце Григория Отрепьева, но отступить было поздно. Сам Пётр Басманов вместе с другими воеводами встречал Лжедмитрия, уже когда тот выехал из Путивля 19 мая. В дворцовых переворотах побеждает тот, на чьей стороне армия. Измена Басманова и мятеж в войске, перешедшем к самозванцу, решили успех его адского предприятия и послужили началом гражданской войны, названной Смутным временем.

Самозванец торжествовал победу без боя, вслед за войском он двинулся к Орлу, рассылая по пути свои грамоты. Дорога на Москву была открыта, города отворялись ему без сопротивления. Из Тулы он направил в Москву дворян Плещеева и Пушкина, которые, сопровождаемые казачьим отрядом храброго атамана Корелы, сумели пробиться на Красную площадь и зачитать перед скоплением народа грамоту Лжедмитрия. В ней повторялась сказка о его чудесном спасении, перечислялись разные обещания уже от имени великого государя Московского: «Вы клялись отцу моему не изменять его детям и потомству во веки веков, но взяли Годунова в цари. Не упрекаю вас: вы думали, что Борис умертвил меня в летах младенческих; не знали его лукавства и не смели противиться человеку, который уже самовластвовал и в царствование Фёдора Иоанновича... Им обольщённые, вы не верили, что я, спасённый Богом, иду к вам с любовью и кротостью, – фари塞ствовал ложный Дмитрий, соблазняя московских людей. – Уже судьба решилась: города и войско мои. Дерзнёте ли на брань междоусобную в угодность Марии Годуновой и её сыну?...» Толпа возбудилась, с криками: «Долой Годуновых!» принялась громить богатые дома их сторонников, разграбила винный погреб немецких докторов. По словам Д. Иловайского, в этот день опились до смерти до ста человек.

Ворвались в Кремль, стащили с трона молодого Фёдора Борисовича и вместе с матерью царицей Марией и сестрой Ксенией отвезли под стражу в дом Годуновых.

Названный Дмитрием, он не спешил из Тулы в Москву. Прежде надо было избавиться от формально царствующего Фёдора Годунова и патриарха Иова, всем обязанного его отцу. Для того самозванец послал князей Василия Голицына и Василия Рубец-Мосальского, в числе первых присягнувших ему. И то и другое было исполнено немедленно. Посланные им люди ворвались в Успенский собор, сорвали с патриарха святительские одежды прямо во время службы, с позором выволокли на площадь. После этого бесчестия Иова, который мог свидетельствовать против самозванца, узнав в нём своего бывшего помощника, отвезли в Богородский старицкий монастырь, а на место его был возведён Рязанский архиепископ Игнатий, первым приехавший в Тулу бить челом самозванцу.

Посланные князя Василий Голицын и Рубец-Мосальский отправили в дом Годуновых стрельцов, и те задушили царя Фёдора и его мать Марию Григорьевну; пощадили только несчастную красавицу Ксению для прихоти развратного злодея. В «Новом летописце» сказано, будто бы Борис Годунов, мучимый совестью и боясь расправы от выходца с того света самозванца, попросил жену приготовить отраву и принял её. Она же, Мария Григорьевна, отравила себя и детей (Ксения выжила), чтобы не оказаться в руках самозванца. Эта выдумка им была и пущена в народ, чтобы показать свою непричастность к убийству царской семьи.

Из Архангельского собора извлекли прах Бориса Годунова и перезахоронили в монастыре на Сретенке. Всех родственников Годуновых заточили в разных городах. Самозванец продолжал рассылать свои грамоты с призывом присягать ему.

ЛЖЕДМИТРИЙ НА ТРОНЕ

Лишь после такой подготовки Лжедмитрий торжественно вступил в Москву в сопровождении польских хоругвей, стрельцов и казацких отрядов. Народ ликовал, люди заперудили улицы, сидели на заборах и крышах домов. По обычаю Лжедмитрий обошёл кремлёвские храмы, «припал ко гробу своего мнимого отца». После этого боярин Богдан Яковлевич Бельский, бывший опекуном царевича Дмитрия в детстве, с Лобного места клялся перед народом, что новый царь истинный сын Ивана Грозного.

Первым делом хитроумный самозванец озаботился налаживанием взаимоотношений с мнимой матерью инокиней Марфой (Марией Нагой), дабы она признала его своим сыном. Надо было как-то

убедить её пойти на сделку с совестью. Для этого он налажил тайные связи с ней через своих посредников, суливших ей всякие обольщения и одновременно грозивших гибелью в случае отказа от такого сговора. Марфа уступила оказанному на неё давлению.

На радостях ложный Дмитрий пригласил её к себе, послав знатную свиту в Выксинский монастырь во главе с великим мечником Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, прославившимся позднее, и сам встретил процессию в селе Тайнинском. Символично, что минута первой встречи должна быть тайной, дабы никто не видел никакой заминки и смущения со стороны Марфы в этот ответственный для самозванца момент. После разговора в шатре с глазу на глаз мнимые мать и сын вышли к публике со счастливыми улыбками, так что очередной спектакль самозванца, поднаторевшего в искусстве обмана, удался. Марфа села в карету, а он шёл возле неё пешком.

Дьявольски искусив инокиню Марфу, принудив её признать в нём своего сына, неутомимый в лицемерии, по определению Карамзина, Лжедмитрий уладил столь важное для него дело, подтверждающее законность его правонаследия престола, и 21 июля торжественно венчался на царство. Обряд совершил новый патриарх Игнатий.

Интрига, закрученная самозванцем, была столь сложна, что ещё не все препятствия ему удалось устранить. Если это был Григорий Отрепьев, то в Галиче оставались его настоящая мать, Варвара Отрепьева, дядя Смирной-Отрепьев, брат от второго брака матери и другие родственники, которые говорили, что узнали в новом царе своего Гришку. За такие речи Смирной-Отрепьев был сослан в Сибирь, а мать Варвару московский властитель не посмел тронуть. Однако в записках голландца Исаака Массы, свидетеля тех событий, сказано: «...отец (*ошибка – отчим. – Ю.Б.*) и мать его, бедные люди, были ещё живы, и их отыскали, и они сами признались, что то был их сын, и сказали, что когда он овладел землею (Московией), то послал в Галич и повелел схватить всех своих родственников и заточить в темницу и крепко стеречь, чтобы ничто не открылось, и было их добрых шестьдесят душ. Также сказали они, что, утвердившись на престоле, он (Дмитрий) подкупил одного плута, чтобы он выдавал себя за Григория Отрепьева и, прикинувшись юродивым, ходил в монашеском клобуке; и по убиении Дмитрия этот монах повинился в том, что был им в том подкуплен, и он был в одном из московских монастырей...»

Выше говорилось о том, что самозванец показывал подставного Григория Отрепьева в Путивле, то

же представление повторилось в Москве. Может быть, в обоих случаях роль двойника играл монах Леонид? Или это были разные люди? В «Новом летописце» сказано: «Люди же московские многие его, окаянного (*Гришку Отрепьева*. – **Ю.Б.**), опознали, и плакали о своём согрешении, и не могли ничего сделать, кроме рыдания и слёз».

Последовали милости нового государя. Возвращены были из ссылки мнимые его родственники Нагие, оставшиеся в живых Романовы: Иван Никитич и Фёдор Никитич, постриженный с именем Филарета и теперь получивший сан митрополита Ростовского. Награждены были разные чиновные люди, и прежде всего военачальники. Возвращён был в Москву слепой Симеон Бекбулатович. Узнав, что Лжедмитрий склоняется к латинству, по своему прямодушию он стал выступать ревнителем православной веры и был пострижен и сослан в отдалённую ссылку, в Кирилло-Белозерский монастырь.

В Москве ещё не улеглась праздничная шумиха, а уже начал готовиться заговор против ложного царя, во главе которого встал князь Василий Иванович Шуйский, после смерти Годуновых являвшийся самым родовитым претендентом на престол. Как главный свидетель похорон царевича Дмитрия он стал распространять слух о том, что новый царь – самозванец, и был взят под стражу. Безусловно, Шуйский более других был осведомлён в смерти царевича Дмитрия и если прежде лукавил, то по вынужденным обстоятельствам. Теперь же, когда все Годуновы сошли со сцены, он сознавал себя самым законным претендентом на трон и принялся действовать с некоторой опрометчивостью и поспешностью.

За распространение хулы на государя людей бросали в темницы, двоих казнили. Басманов доискался до главного распространителя слухов, боярина Василия Ивановича Шуйского. Самозванец готов был к расправе над смутьяном, но не осмелился учинить её собственным распоряжением, учитывая высокий сан вельможи. И прежде избегали казнить бояр принародно. Вспомним, как Борис Годунов казнил отсечением головы шестерых купцов, а бояр сослал в дальние монастыри. Теперь же Лжедмитрий созвал собор для суда над братьями Шуйскими, передавая ему ответственность за приговор. Он оказался суров: Василия (старшего) казнить отсечением головы, а Дмитрия и Ивана отправить в ссылку. Василий на пытках и допросе вёл себя мужественно, не отпирался, не отказывался от своих обличительных слов.

При большом стечении народа Басманов читал перед Лобным местом от царского имени: «Сей

великий боярин, князь Василий Шуйский, мне, природному своему государю, царю и великому князю Дмитрию Иоанновичу всея России, изменяет и рассеивает неприличные речи, не хотя меня на государстве царём видети..., называет меня еретиком, Гришкою Отрепьевым, расстригой, и за то его осудили мы смертью казнити, да умрёт».

Москвитяне уныло молчали, имея любовь к Шуйским. Василий держался стойко, готовый принять смерть, выкрикнул: «Братья! Умираю за веру христианскую и за вас!» Он уже преклонил голову на плаху, как из Спасских ворот Кремля выехал всадник с криком: «Стой!» и указом о помиловании в руке. Толпа выказала радость, славя милость государя.

Василия отправили в ссылку вместе с братьями в Галич. Писали о том, что за него просили царя поляки, но вряд ли это так. Сами бояре не хотели такой расправы и были ходатаями перед Лжедмитрием. Д. Бутурлин отводит главную роль в спасении Василия Шуйского инокине Марфе, совесть которой была томима грехом соглашения с самозванцем о признании его сыном. Марфа уговорила ложного Дмитрия не допустить казни Шуйского, «знатнейшего свидетеля истины».

Избавляясь от всех возможных улик, самозванец намеревался перезахоронить останки царевича Дмитрия, похороненного в соборной церкви Углича. По легенде самозванца, там упокоен какой-то поповский сын, недостойный такой чести, дескать, ему место на простом кладбище. Тут были затронуты святые материнские чувства, царица-инокиня решительно воспротивилась таким намерениям и, возмутившись, даже известила тайно польского короля, что царствующий ныне в Москве не является её сыном. Дальнейшие события свидетельствовали тому, что обман не мог продолжаться долго.

Вскоре в столице произошло серьёзное столкновение с поляками, после того, как одного из них за какое-то преступление принялись наказывать публично кнутом. Завязалась бойня, в которой погибло много людей. Лжедмитрий не знал, какую сторону взять, уже тогда поняв, что присутствие поляков в столице раздражает русских, из-за чего впредь можно было ожидать более грозных событий. Он вынужден был лавировать, с самого начала пользуясь поддержкой поляков, более доверял им, чем русским. Природная изворотливость подсказывала ему, что без присутствия польских отрядов в Москве последует скорое его разоблачение. Погасив вспышку уступками тем и другим, задобрив войско деньгами и даже опрометчиво вернул из ссылки братьев Шуйс-

ких, своих врагов, теперь уже непримиримых. Князьям Фёдору Мстиславскому и Василию Шуйскому, достигшим уже почтенного возраста, разрешено было жениться.

Между тем Лжедмитрий не намеревался, как видно, исполнять свои щедрые обещания относительно уступки Речи Посполитой городов и введения католичества, понимая, что и то и другое для него смертельно опасно. Не забывал только о договоре с Юрием Мнишеком относительно руки его дочери. Во исполнение этого договора из Москвы в Краков для испрошения у короля разрешения на обручение Лжедмитрия и Марины Мнишек выехал казначей Афанасий Власьев, уполномоченный передать невесте подарки жениха. Приведём перечень их, который сообщают голландец Исаак Маса и наш историк Д. Бутурлин.

Во-первых, от государыни-матери, царицы и великия княгини всея Руси, инокини Марфы Фёдоровны, благословение, образ Пресвятыя Троицы, богато оправленный в золоте и с камнями.

От государя-царя и великого князя Дмитрия:

1. Перстень золотой с алмазом.
2. Крест с немалыми алмазами и двумя большими жемчужинами, на оном лаловая (*лал – драгоценный красный камень. – Ю.Б.*) змея, а под нею Моисей, испещрённый разными камнями.
3. Перо немалое, оправленное в золоте с лалами, на коем висели три весьма большие и драгоценные жемчужины.
4. Запона с алмазами, лалами, крупным жемчугом величиною с малую грушу.
5. Сосуд из чистого драгоценного камня, изображающий птицу с крыльями.
6. Чарка гияцинтовая, оправленная в золоте.
7. Вол золотый с камнями, стоящий на ногах, во внутренности коего находился разный домашний прибор.
8. Крестик, унизанный лалами и семью большими жемчужинами.
9. Чара большая золотая с камнями и жемчугом.
10. Золотой пеликан.
11. Сосуд серебряный золочёный, изображающий человека на олене, у коего высокие рога из коралла.
12. Корабль многоценный из камней, золота и жемчуга; вещь приятная и удивления достойная.
13. Пава золотая с красиво распущенным и раззолоченным хвостом, коего перья тряслись как на живой птице.
14. Часы, на коих слон с башнею, золотые, и кои можно почесть за диво. Играли по московскому обычаю разные штуки, громко и внятно, били в

бубны, трубили из двенадцати труб и долго оглушали уши слушателей; потом играли на флейтах...

15. Чарка коралловая.
  16. Шестнадцать сороков соболей, коих в таком количестве людям нечасто приходится видеть.
  17. Несколько штук венецианского бархату, алого с золотом.
  18. Большая штука белого глазета, в коей до ста локтей.
  19. Одна штука парчи золотой и другая серебряной.
  20. Атласу желтого с каймою из золота и алого и белого шелку.
  21. Несколько штук турецкого атласу, по лазоревому дну шелковые узоры, изображающие короны и месяцы.
  22. Несколько штук турецкого атласу, по лазоревому дну с узорами шелковыми с золотом.
  23. Атласу желтого на белом шелковом дне с золотом и серебром.
  24. Глазету белого с серебром гладкого.
  25. Глазету вишневого с золотом.
  26. Бархату алого гладкого.
  27. Бархату лазоревому гладкого.
  28. Бархату зеленого узорчатого.
  29. Четыре тысячи осьмнадцать лотов жемчугу.
- От посла московского золототканый персидский ковер с узорами с обеих сторон. Один сорок соболей.
- Пану воеводе
от царя:
- Конь в яблоках; седло алого бархата в золотой оправе с камнями; при оном стремянна стальные позолоченные; оголовок алого бархата с оправною золотою и перламутровою, также и нашейник, наперсье и пахви.
- Бунчук с золотой головкой.
Булава золотая с камнями.
Чарка из золота с камнями.
Четыре персидских ковра.
Шуба чернолисыя. Шапка чернолисыя.
Шесть сороков соболей.
Три кречата с золотыми колокольчиками и жемчужными наголовками; для держания их рукавицы золотые турецкие.
- От посла самого: два сорока соболей.
- Кроме того, через своего секретаря Яна Бучинского Лжедмитрий послал воеводе Мнишеку двести тысяч злотых, а после были и другие дорогие подарки. Щедрость самозванца в разбазаривании кремлёвских богатств и казны, без того истощённой в годы небывалого голода, объясняется не только желанием угодить невесте и отблагодарить воеводу-сообщника, но и тем, что вчерашний ху-

дородный бродяга, дорвавшись до царской власти, воспринимал её как вседозволенность. Ему не жалко было промотать все эти сокровища, потому во дворце не умолкала музыка, справлялись праздник за праздником, устраивались потехи, нередко – на иностранный манер.

Обручение состоялось 12 ноября 1605 года в отсутствие жениха, но в присутствии короля. Власьев, исполняя приказание царя, торопил Мнишеков с отъездом в Москву, чтобы успеть всё совершить по зимнему пути, однако воевода шантажировал посланника тем, что не имеет достаточных средств, так что Власьев дополнительно выдал ему около двадцати пяти тысяч золотых. Кроме того, воевода упрекал будущего зятя в том, что держит в наложницах Ксению. Несчастливая красавица царевна, вынужденная делить ложе с убийцей самых близких ее родных, была пострижена в монастырь и до конца дней своих казнила себя неотступными мыслями о невольном грехе. Меру её страданий невозможно себе представить. Увы, по вине отца лишилась она сначала одного, потом другого жениха, а невинность отдала подлому расстриге.

Лишь 20 февраля 1606 года Марина Мнишек в сопровождении многочисленной свиты (около 2000 человек) выехала в Москву, а явилась в неё 2 мая: дорогу осложняла весенняя распутица. Въезд был торжественный, с построением немецких телохранителей Лжедмитрия, русских стрельцов и польских копейщиков, с барабанным боем и пр. Процессию встречал П.Басманов, одетый в гусарское платье. Марина въехала в Москву в богатой карете, запряжённой десятью лошадьми. Самозванец не жалел казны, одаривая Марину, воеводу Мнишека и их многочисленную свиту дорогими подарками и деньгами, дабы поляки дивились роскоши московского двора.

Особой торжественностью и пышностью сопровождалось обручение и свадьба царская. Обручение состоялось 7 мая в Столовой палате, где присутствовали только ближайшие родственники, тысяцкий Василий Шуйский, дружки и некоторые бояре. Богатые бархатные одежды Марины и Лжедмитрия были усыпаны алмазами и другими драгоценными камнями. Затем в Грановитой палате собрались все знатные вельможи. Здесь Василий Шуйский произнёс свою высокопарную речь перед Мариной. После этих приготовлений пошли в Успенский храм для совершения главного обряда обручения, перед которым совершилось неведомое прежде царское венчание Марины (коронование патриархом), коим самозванец хотел возвысить её перед москвитянами и утвердить её на будущее в правах на престол. Во вре-

мя венчания и Лжедмитрий, и Марина стояли с коронами на головах.

Начались ежедневные роскошные свадебные пиры с польскими танцами и музыкой, оглушительно звучащей рядом с кремлёвскими соборами, что раздражало воздержанных православных. Поляки и иностранцы, квартировавшие в Москве, вели себя слишком вольно и надменно, похабничали, приставая к женщинам, вызывая ненависть к себе горожан. Под благовидным предлогом вместе с Мариной прибыл значительный отряд вооружённых шляхтичей, и одновременно явились послы короля Олесницкий и Гонсевский, и тоже в сопровождении многочисленного вооружённого отряда, что означало тихую оккупацию Москвы, к счастью, непродолжительную, благодаря перевороту, устроенному Василием Шуйским, в результате которого многие пришельцы были убиты, а 700 человек тотчас отправлены из Москвы. Но даже сосланных в Ярославль поляков не удалось разоружить.

Свадебный разгул поляков возмущал москвитян. Трубы, барабаны и литавры гремели даже в Кремле, рядом с православными храмами. Пьяные шляхтичи бродили по Москве с обнажёнными саблями, врывались в дома, бесчестили девиц. Недовольство накапливалось. Замечали благосклонность царя к иностранцам, призвавшим к себе в охрану 300 немецких наёмников, роптали на то, что взял жену католической веры. Казанский митрополит Гермоген открыто осуждал такой брак. Бояре, более других осведомлённые в самозванстве царя, сумели через официального царского посланника Ивана Безобразова тайно известить короля Сигизмунда о недовольстве лжецарём, называя его человеком низкородным, легкомысленным и распутным, похитившим престол. Король предусмотрительно не принял Безобразова, а получил эти сведения через пана Александра Гонсевского, коему поручено было встретиться с Безобразовым. Более того, в целях обезопасить себя бояре велели сказать, что Шуйские и Голицыны намерены возвести на трон сына Сигизмундова Владислава, что, конечно, польстило королю, уклончиво ответившему, мол, с его стороны препятствий их плану не будет.

Исаак Масса перечисляет по пунктам все обвинения, которые предъявляли Лжедмитрию. Самое прямое из них в том, что он не был прирождённым государем, а являлся галичанином Гришкой Отрепьевым, чародеем, знавшим с дьяволом. Не случайно он велел заточить в тюрьму всех своих родственников. Далее ему вменяли намерение «очистить церкви от всех греческих алтарей и икон и освятить римско-католическими иконами».

Не забыт был договор самозванца с воеводой Мнишеком, по которому он обязывался отдать Польше целые области и города. Жаловались на притеснения со стороны поляков, оскорблявших и унижавших московитов, на то, что он разбазарил и без того скудную казну. Особо возмущались необузданной похотливостью: обесчестил многих красивых девушек, не останавливаясь даже перед святостью монашек. Эти и другие обвинения Лжедмитрия были разосланы по городам вместе с известием об избрании царём Василия Шуйского.

«Первым врагом Лжедмитрия был сам он, легкомысленный и вспыльчивый от природы, грубый от худого воспитания, надменный, безрассудный и неосторожный от счастья», – считал Н.Карамзин. И действительно, он любил заседать в Сенате, переименовав на польский манер Думу, при этом старался показать остроту своего ума, поучал бояр, опускаясь до шуток и насмешек. К слову, несколько позднее Сенат в России прижился, и даже ныне мы называем членов Совета Федерации сенаторами.

Памятуя о своих обещаниях иезуитам, обратившим его в католичество и имевшим представительство в Кремле, Лжедмитрий демонстрировал своё небрежение к православию, не молился перед иконами, не крестился перед обедом, оскорбляя тем набожных москвитян. Он любил похваляться своей ловкостью в верховой езде, в разных забавах, с любопытством ходил по Москве, нередко удаляясь от охраны, что удивляло жителей столицы, привыкших к степенному поведению своих государей.

Вельможи московские не могли одобрять чрезмерной расточительности царя, окружившего себя роскошью. Современники особенно отмечали исполненный по его заказу новый трон из чистого золота, подарки и денежные выплаты Мнишекам, щедрое жалованье стрельцам и иностранным наёмникам.

Приверженные благочестию москвитяне, безусловно, знали о похотливой распущенности царя, о том, что он бесчестил девиц, приневолил к позорному наложничеству дочь Годунова Ксению, вынужденную терпеть это насилие длительное время, пока воевода Мнишек не потребовал от будущего зятя прекратить связь, оскорбляющую его дочь. Ксения была сослана в монастырь на Белозеро.

В Москве усиливались подозрения, что царь не настоящий Дмитрий, стали узнавать в нём беглого монаха Григория Отрепьева. Такие слухи пошли среди стрельцов. Нашлись смельчаки, не побоявшиеся смерти, обличавшие Лжедмитрия. Он пы-

тался остановить молву суровостью наказания. Так, отсечением головы на площади были казнены дворянин Пётр Тургенев и купец Фёдор Калачник, но и после этого дьяк Тимофей Осипов заявил в глаза государю: «Ты воистину Гришка Отрепьев, расстрига, а не цесарь непобедимый, не царёв сын Дмитрий, а греху раб и еретик».

Пять месяцев братья Шуйские провели в галлической ссылке, и, как только вернулись, Василий Иванович, чья голова лежала на плахе по воле самозванца, начал готовить новый заговор. Он не дрогнул тогда, и теперь требовалось не меньшее мужество, ибо в случае неудачи его ждала неминуемая казнь. На сей раз он не просто распускал молву о том, что царь ложный, а принялся готовить военный переворот, внешне проявляя при этом полное почтение к самозванцу, войдя в доверие к нему. На свадьбе царя, когда гости сели за столы в Грановитой палате, Василий Шуйский, будучи тысяцким, подойдя к Марине, произнёс речь, ласкающую ухо самозванца и усыпляющую его бдительность: «Наяснейшая и великая государыня цесаревна и великая княгиня Марья Юрьевна, и за изволением наяснейшего и непобедимого самодержца, великого государя Дмитрия Ивановича, Божией милостью цесаря и великого князя всея Руси, и многих государств государя и обладателя, его цесарское величество изволил вас, наяснейшую великую государыню, взятии себе в цесареву, а нам в государыню, и Божьей милостью обручанье ваше цесарское ныне совершилось; и вам бы наяснейшей и великой государыне нашей по Божьей милости и по изволению великого государя нашего, его цесарского величества, вступати на свой цесарский мастат и быть с ним великим государем на своих преславных государствах».

Лжедмитрий тщетно добивался, чтобы польский король признал его цесарем, непобедимым императором, и Шуйский умышленно именует его таким, и одновременно стоит во главе заговора, не боясь собирать своих сторонников у себя на дому: риск был большой, к счастью, обошлось без доносительства.

Бесчинства поляков, их своеволие и наглость по отношению к жителям способствовали участвовавшим стычкам с пришельцами, умножалось число разочаровавшихся в ложном Дмитрие. Венчание Марины, надменное поведение поляков в храме усиливали протестные настроения, в особенности в среде духовенства. Всё это предвещало успех заговора. Кроме Шуйских, в нём участвовали князь Голицыны, Фёдор Мстиславский, Михаил Татищев и другие. Время для переворота было выбрано самое удачное, когда самозванец был за-

нят свадебными удовольствиями. В присутствии сотен вооружённых поляков в Москве, в том числе и прибывших с воеводой Мнишеком, он почувствовал себя в безопасности, утратив бдительность. Ему казалось, что все подданные ликуют вместе с ним.

Как человек, знавший военное дело (не раз назначался воеводой), Шуйский понимал, что без поддержки войска заговор обречён на провал, поэтому ему удалось склонить на свою сторону 18-тысячное войско, стоявшее в семи верстах от Москвы, которому было поручено в ночь на 17 мая перекрыть все городские ворота. Той же ночью были помечены двери всех домов, в которых проживали поляки, чтобы по зову набата сбежаться к ним и не выпускать на помощь самозванцу. Для возбуждения войска и обывателей заговорщики пустили слух, что во время большой загородной потехи со взятием сооружённого городка Лжедмитрий намерен ликвидировать самых знатных бояр.

Ранним утром 17 мая конный отряд бояр во главе с Василием Шуйским въехал в Кремль. Пишут, будто бы Шуйский держал в одной руке крест, в другой – меч. Ударили в колокол, и по всей Москве раздался набат. Началась сумятица, москвитяне окружили дома, где находились поляки, не давая им возможности выехать на подмогу самозванцу.

Мятежники стали пробиваться во дворец, дорогу им заступил Пётр Басманов, всегда находившийся подле самозванца. Ему кричали ругательства и требовали выдать плута и обманщика. Он пытался уговаривать нападавших, но кого будет слушать разъярённая толпа? Басманова убили на месте и сбросили с крыльца. В ход пошли топоры, чтобы изрубить дверь.

Самозванец растерянно метался в покоях дворца и, не найдя другого выхода, отчаянно выпрыгнул из окна, сильно разбившись и вывихнув ногу. Его стоны услышали стрельцы, намеревавшиеся защищать государя, тут подоспели мятежники, схватили его и начали бить и пытаться: говори, кто ты? Самозванец пошёл на хитрость, дескать, выведите меня на Лобное место, там всё скажу народу. Опасаясь Гришкиного чародейства и краснословия, Василий Шуйский решил довершить расправу, к тому же явился князь Василий Голицын и сообщил, что инокиня Марфа отреклась от самозванца, назвав своим сыном Дмитрия, похороненного в Угличе. Дворянин Григорий Валуев сначала выстрелил в самозванца, толпа добила его саблями, а труп сбросили туда, где лежал убитый Пётр Басманов.

Когда начался погром во дворце, Марине Мнишек удалось спрятаться среди польской прислуги.

Подоспевшие бояре защитили женщин, а Марину отвели в дом к отцу.

Грабежи и убийства, столкновения с поляками, засевшими в разных домах, продолжались почти до полудня. В обширном дворе князя Вишневецкого, где спасались многие поляки, развернулось настоящее сражение, которое остановил прибывший туда сам Шуйский. Потери поляков составили до двух тысяч убитыми (И.Масса называет 2135); вероятно, сотни жертв были и с нашей стороны.

Трупы самозванца и Басманова выволокли на Красную площадь и положили на столе на общее обозрение. Свидетель тех событий Исаак Масса писал: «Однажды, когда волнение утихло, я вышел из дому, чтобы посмотреть на мертвые тела, над которыми некоторые ещё продолжали испытывать свои сабли, и два трупа, Дмитрия и его друга Басманова, также лежали там на столе в течение трех дней; кругом стояло множество народа и глумилось над ними, но некоторые, видя непостоянство всего земного, искренно плакали. И я внимательно осмотрел его и поистине не мог приметить ничего иного, как только то, что это был царь, коего я неоднократно видел, и что они умертвили того, кто в течение года управлял государством, хотя во время этих новых войн хотят уверить, что истинный Дмитрий опять не был убит, а умертвили другого на его месте».

Петра Басманова разрешили похоронить его родственникам, а труп самозванца сначала отвезли за Серпуховские ворота и похоронили, а потом выкопали, сожгли и, зарядив пеплом пушку, выстрелили в западную сторону, откуда он пришёл.

Остаётся неразрешимый вопрос: кем же был Лжедмитрий I, сумевший с удивительной конспирацией осуществить невероятную историю воцарения на Московский престол? Унёс тайну с собой, задав головоломку историкам на многие века. Это был ловкий манипулятор (не зря считали чародеем), авантюрист и актёр, но не до такой степени, чтобы убедительно сыграть роль царя. Может быть, сказалось незнатное происхождение? Да, имел цепкий ум, был изобретателен и смел до дерзости, сумев осуществить такую умопомрачительную авантюру, но этого оказалось недостаточно, чтобы удержаться у власти. Падение было закономерным, потому что восхождение на трон было достигнуто чудовищным обманом. Бояре, не веря в сказку о спасённом Дмитрие, использовали самозванца в борьбе с Годуновыми и, как только их не стало, постарались избавиться и от ложного Дмитрия, опозорившего трон.

Иностранные свидетели московской Смуты и позднейшие писатели не верили в тождество Гри-

гория Отрепьева и самозванца. Само название воспоминаний голландца Эллиса Геркмана подтверждает это: «Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Дмитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем», то есть он не сомневался в истинности Дмитрия.

Немец Конрад Буссов писал о том, что монаху Григорию Отрепьеву было дано задание (очевидно, боярами) бежать в Польшу и там найти молодого человека, схожего с погибшим царевичем Дмитрием, что Григорий и исполнил, подыскав «благородного, храброго юношу», якобы незаконного сына Стефана Батория. Буссов приводит ряд доказательств того, что на троне оказался ложный Дмитрий, в частности, рассказывает, как встретился под Угличем со 105-летним старцем, который был в угличском дворце сторожем при молодом Дмитрие. Старец сказал про лжецаря: «Он был разумным государем, но сыном Грозного он не был, ибо тот действительно убит 17 лет тому назад...» Отметим парадокс: доказывая ложность царя Дмитрия, Буссов непомерно восхваляет его и всячески очерняет Василия Шуйского, которого, казалось бы, надо было благодарить за избавление Московского государства от плута и мошенника. Явное отсутствие объективности ещё и потому, что старший сын Буссова, тоже Конрад Буссов, участник восстания Болотникова, был взят в Туле в плен и сослан в Сибирь.

Историк К.Валишевский мало сомневался в истинности спасшегося царевича Дмитрия, во всяком случае, пытался доказать, что самозванцем был не Григорий Отрепьев, а он лишь сопровождал Лжедмитрия. Но у Валишевского есть заслуживающая внимания мысль о причастности к появлению самозванца бояр Романовых. Он указывает на то, что Филарет Никитич, заключённый в 1601 году в Сийский монастырь, уже думал только о скорой смерти себе и жене с детьми, но в 1605 году, когда самозванец вступил в Россию, он, по донесению пристава, неожиданно ободряется и являет другое поведение: не соблюдает монастырский устав, часто беспричинно смеётся, обещает вернуться к прежней жизни. На упрёки монахов отвечал: «Увидите, каков я вперёд буду!» И ведь слова эти подтвердились. Из этого следует: не Романовы ли подготовили претендента на трон, что согласуется с подозрениями самого Бориса Годунова?

Подобную догадку высказал доктор исторических наук Владимир Кобрин, напомнив, что вскоре по распоряжению Лжедмитрия «Филарет из ссыльного монаха превратился в митрополита

Ростовского». И далее признаёт в самозванце Григория Отрепьева: «Вероятно, так и было: правительство было заинтересовано в том, чтобы назвать подлинное имя самозванца, а выяснить правду тогда было легче, чем сейчас...» Современники тех событий подтверждают: Борис Годунов распорядился произвести тщательное расследование этого вопроса.

Некоторые историки (К.Валишевский, Е. Щепкин, Л. Таймасова) обратили внимание на раздвоенные личности Григория Отрепьева и предполагают, что был ещё какой-то 14-летний постриженник игумена Вятского монастыря Трифона (ровесник убиенного Дмитрия), который переходил из монастыря в монастырь, пока не оказался в Чудовом келейником дьякона Григория. Григорий на 10 лет старше, он подготавливает молодого собрата к роли царевича, и они оба оказываются в Киеве, где пути их разнятся: молодой отправляется в Польшу, а Григорий – на Дон и в Запорожье. Доказательств подобной версии не существует, хотя с перемещениями Григория Отрепьева разобраться трудно, что происходит из-за недостаточных сведений о нём и по причине его скрытности, умелой конспирации.

С.Соловьёв (как и Н.Карамзин), будучи сторонником официальной версии о самозванстве Григория Отрепьева, вступил в серьёзную полемику по этому поводу со своим современником Н.Костомаровым, не доверявшим показаниям Варлаама в его «Извете». «Челобитная Варлаама служит важным, обстоятельным и живым источником относительно бегства Григория Отрепьева из Москвы. Костомаров, которому непременно хочется уничтожить тождество Лжедмитрия с Григорием Отрепьевым, вооружается против справедливости показаний Варлаама...» – пишет С.Соловьёв и далее по пунктам опровергает мнение Н.Костомарова. А заканчивает своё опровержение следующим убеждением: «Вопрос о происхождении первого Лжедмитрия такого рода, что способен сильно тревожить людей, у которых фантазия преобладает. Романисту здесь широкий простор, он может делать самозванцем кого угодно, но историку странно срывать с твёрдой почвы, отвергать известие самое вероятное и погружаться в мрак...что-нибудь да заставило современников остановиться именно на этом монахе...»

Убедительно рассуждает о личности самозванца русский немец, живший во Франции, историк Павел Пирлинг. Говоря о рассказе самозванца Адаму Вишневецкому, он пишет: «Что же мы находим в этом документе? Произведение фантазии,

полное умолчаний и невероятностей. Постарались своевременно удалить и уничтожить всех свидетелей, показания которых были бы ценны. Нам рассказывают очень подозрительную историю о подмене ребёнка, которого потом заставляют странствовать из одного московского монастыря в другой... здесь редко решаются назвать чьё-нибудь имя. Ведь перед нами восьмилетний ребёнок, сын царя, спасённый от рук убийц, старательно и бережливо скрываемый и воспитываемый, несмотря на грозящую опасность, в продолжение многих лет, и вдруг, когда он достигает трона, никто не заявляет об оказанных ему услугах, ему некого благодарить, некого достойно наградить».

И ещё дополняет он: «...самое существенное для нас слово: Дмитрий-самозванец мы находим в послании Сигизмунда III к Павлу Пятому, от 3 октября 1610 года, утверждение категоричное, обдуманное, основанное на фактах».

Сообщения о том, что Лжедмитрий показывал в Москве Григория Отрепьева, ничем не подтверждены, их можно рассматривать лишь как пропагандистскую уловку самозванца. Где? Когда? Кому? И, самое главное, кого? Не того ли самого Леононида? Кто мог возразить государю, если даже не узнали в монахе Григория? След этого инкогнито теряется после отправки в Ярославль. Могли же устроить его очную ставку с родственниками.

Авторы хроник того времени иностранцы не верили в способность какого-то русского монаха сыграть роль царевича Дмитрия, тем более, что они высокомерно считали «московитов» народом варварским. Проще сказать, недооценили способности русского человека. Думается, как раз Григорию Отрепьеву, знавшему кремлёвскую жизнь при дворе, было сподручней взяться за столь сложное предприятие, нежели молодому поляку. Судя по стремительной карьере Отрепьева, он был незаурядной личностью, имел прилежание к учению и скоро всё схватывал. Служивый француз Жак Маржарет восхищался его красноречием. Не забудем и о его происхождении, отнюдь не холопском: из обедневшего боярского рода, поэтому имел определенное образование и воспитание. И то и другое Григорий мог значительно пополнить во время пребывания в кругу сановников в Польше. Кстати, в своём «Извете» инок Варлаам говорит, что Григорий Отрепьев появился в Польше в 1602 году, а по польским сведениям – в 1601 году: до вторжения в Россию получается около трёх лет. Что касается верховой езды и владения саблей, то и в России он должен был иметь эти навыки как дворянский сын.

В любом случае, можно утверждать, что самоз-

ванцем был русский человек. С какой бы стати иезуиты стали столь усердно обращать в католичество поляка? Если согласиться с тем, что истоки интриги зародились в оппозиционном московском боярстве, то вряд ли заговорщики поручили бы Григорию Отрепьеву подготовку юного претендента в Польше: с кандидатурой они должны были определиться у себя в Москве.

Совершенно определённо заканчивает свой разбор личности самозванца известный историк Дмитрий Петрович Бутурлин: «Итак, добросовестный разбор различных мнений о расстриге неминуемо ведёт к заключению, что первым Лжедмитрием в России был Отрепьев, и противоречить ещё сему свойственно было бы только тем, кои, увлекаясь суетным мудрствованием, тщатся опровергать все исторические истины единственно, чтобы мыслить иначе, чем мыслили их предшественники». Назовём подтверждения первоначальной версии о самозванце:

1. При посещении его в Путивле некоторые царские военачальники узнали в нём Григория Отрепьева.

2. Прежде чем войти в Москву, самозванец свёл с престола патриарха Иова, хорошо знавшего его.

3. Мнимая мать Лжедмитрия, инокиня Марфа, вынуждена была признать его за своего сына под давлением и угрозами, после встречи с глазу на глаз в специальном шатре, а не принародно.

4. Некий инок, дворянин Тургенев и купец Фёдор Калачник, идя на смерть, свидетельствовали, что узнали в самозванце Григория Отрепьева.

5. Самозванец не ходил в Чудов монастырь, где его хорошо знали.

6. Он не преследовал родную мать Варвару Отрепьеву, хотя та обличала его.

7. Родственники самозванца, арестованные им, дабы не разглашали его тайну, подтвердили, что ложным царём был Григорий Отрепьев.

8. И самое важное. Самозванец нигде, ни с кем не объяснился, кто его приютил, если он настоящий спасшийся Дмитрий, где он скитался столько лет, не назвал ни одного своего благодетеля, что могло подтвердить истинность его невнятной легенды. Почему никто не напомнил ему о своём участии в его судьбе? И почему он никому не оказал милость за это? Объяснение простое: таких людей не было.

Вопрос личности самозванца не интриговал бы до сих пор историков, если бы Василий Шуйский имел возможность допросить его, устроить очные ставки с людьми, хорошо знавшими беглого монаха. К сожалению, главный свидетель в этом

деле, отстранённый с позором от патриаршества Иов, находился в монастырском заключении. Только Марфа, и то заочно, призналась теперь, что самозванец не является её сыном. Разумеется, объяснима поспешность Шуйского, опасавшегося неудачи заговора, потому что на помощь самозванцу могли прийти поляки и другие сторонники. К тому же, в пылу мщения толпа нетерпелива на расправу. Растерзанный лжецарь унёс свою тайну с собой.

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ, БОЯРСКИЙ ЦАРЬ

Род князей Шуйских (Рюриковичей), как было сказано, являлся одним из древнейших, вёл своё начало от великого князя Владимирского Андрея Ярославича и князей суздальских. Их влияние усилилось при Иване III и особенно возвысилось во времена Елены Глинской. Шуйские постоянно заседали в боярской Думе, часто назначались воеводами и наместниками, имели многие заслуги перед Отечеством. Их возвышения и падения отмечены в разных событиях российской истории. Так, одним из главных воевод, отличившихся при взятии Казани, являлся князь Александр Горбатый-Шуйский, назначенный тут же казанским наместником, а в Свияжске такое назначение получил Пётр Шуйский. Мы видели героизм Ивана Петровича Шуйского, отражавшего осаду Пскова, имевшего большой авторитет в Москве и подло умерщвлённого Годуновым, но только Василий Иванович Шуйский поднялся на самую высокую ступень власти, став царём. Он являлся внуком того Андрея Михайловича Шуйского, которого жестоко казнил юный Иван Грозный. У Андрея был единственный сын Иван, но он не дал угаснуть этой родовой ветви, имея пятерых сыновей, во главе со старшим Андреем Ивановичем, умерщвлённым по приказу Годунова в Каргополе. Александр Иванович умер в 1601 году: теперь оставались трое – Василий, Дмитрий, Иван, все имели боярское достоинство.

Василий Шуйский имел равное с Годуновым приближение к Ивану Грозному. Ещё в 1580 году, когда, несмотря на неудачи в войне со Стефаном Баторием, сумасбродный Иван Грозный вздумал играть в Александровой слободе сразу две свадьбы: сам женился (в седьмой раз) без церковного разрешения на Марии Нагой, а сына Фёдора женил на сестре Бориса Годунова Ирине. На этой свадьбе государя Годунов был дружкой Марии, а Василий Шуйский – дружкой самого Ивана

Грозного. Далее пути их разошлись: расчётливо женившийся на дочери Малюты Скуратова и породнившийся с царской семьёй, Годунов начал своё возвышение, ревниво относясь к знатнейшим Шуйским.

Избрание царя состоялось в спешке, сразу же после расправы над самозванцем (19 мая) и сведения с престола патриарха Игнатия. В боярских прениях выдвинули двух кандидатов: Василия Ивановича Шуйского и Василия Васильевича Голицына, боярина из Гедеминичей, которого мы видели под Кромами во главе передового полка. Князь Фёдор Мстиславский сам отказался претендовать на трон. Хотели созвать по правилам собор со всех городов, но Шуйский торопил события, и решили немедля избрать царя, созвав московских людей. Выкрики из толпы: «Здравствуй, царь Василий Иванович Шуйский!» решили исход выбора. Мужество, проявленное Шуйским перед несостоявшейся казнью, ссылка его вместе с братьями, его смелость при избавлении от злодея самозванца – всё это возвышало опытного царедворца, возглавившего переворот. Любой другой претендент должен был проиграть ему на тот момент. Основной его конкурент, второй по знаменитости рода, Василий Васильевич Голицын изрядно подмочил свою репутацию участием в расправах над патриархом Иовом и семьёй Годуновых. Как выборный царь (точнее, выкрикнутый), Шуйский не мог иметь полной поддержки народа, но он был героем данного исторического момента, освободившим государство от самозванца.

На другой день по городам были разосланы известительные грамоты, в которых говорилось об избавлении от расстриги Гришки Отрепьева и об избрании на царство Василия Ивановича Шуйского «всем освящённым собором, боярами, дворянами, детьми боярскими, всеми людьми Московского государства». Его права на престол объяснялись прямым потомством от Александра Невского, хотя Шуйские шли от брата его Андрея Ярославича. Бояре-соперники припомнили ему это поспешное избрание не всем собором, когда изменный сводили с престола, отдавая в руки торжествующих поляков.

В свою очередь, историки постарались снизить его образ нелестными внешними характеристиками. Едва ли не первый такой портрет нарисовал князь Иван Михайлович Катывев-Ростовский: «Царь Василей возрастом (ростом) мал, образом же нелепым, очи подслепы имеея..., но тут же вынужден признать: книжному поучению доволен и в рассуждении ума зело смыслен». Мог ли Катывев дать более положительный портрет Шуйского, ес-

ли он сослал его в Тобольск за намерение перебраться к Лжедмитрию II?

Историки повторяют то же самое. Н. Карамзин: «...Будучи роста малого, толст, несановит и лицом смугл; имея взор суровый, глаза красноватые и подслепые, рот широкий». Вслед за Карамзиным С. Соловьёв пишет: «Новый царь был маленький старик лет за 50 с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами...» Ещё добавляет: «Это был седой старик, не очень высокого роста (*значит, маленький*. – Ю.Б.), круглолицый, с длинным и немного горбатым носом, большим ртом, большою бородою; смотрел он исподлобья и сурово».

Разумеется, совсем карикатурный портрет рисует поляк Валишевский: «Шуйский победителем вступил в Кремль – низенький, толстый человек, лысый, невзрачный, с редкой бородкой, с близорукими, мигающими, вороватыми глазками, лет пятидесяти от роду, но совсем старик по виду, без приятной обходительности, с репутацией скареда... Какой порядок в государстве установит он со своими единомышленниками?» Понятно, от такого плохонького государя ничего хорошего ждать нечего. Слышится явное сожаление по поводу оборвавшегося польского проекта: то ли дело был молодой Лжедмитрий, подававший столько надежд для Польши.

Упомянутые выше иностранные очевидцы Смуты не касаются портретных характеристик Шуйского.

Наш современник Лев Аннинский высказался совсем категорично: «Василий Шуйский – самый никчемный и презираемый царь». Не менее определённо высказался Владимир Кобрин: «Трудно найти добрые слова для этого человека. Бесчестный интриган, всегда готовый солгать и даже подкрепить ложь клятвой на кресте».

Но вот Василий Татищев рисует совсем другой портрет царя Василия: «Он был ростом высок, сух, лицо долгое и бледное, волосы прямые, очи чёрные, глубокие». Где тут маленький, толстый, лысый человек с подслеповатыми глазками? Кто прав? Почему историки вступили в противоречие с Татищевым, который был ближе к первоисточникам?

Все повторяют про скупость нового царя. Что в этом предосудительного? Разве мог опытный царедворец, а ныне царь, швырять деньги и ценности налево и направо, как это делал его безответственный предшественник, дорвавшийся до верховной власти и воспринимавший её как вседозволенность? Растраниженная казна была пуста, а для отражения новых мятежников и откровенной польской интервенции требовались огромные средства.

Проследим трудный путь недолгого царства-

ния Шуйского, его трагическую судьбу и, несомненно, найдём добрые слова о нём. Корифеи нашей историографии высоко оценивали его ум: «Шуйский славился однакож разумом мужа Думнаго и сведениями книжными» (Н. Карамзин); «начитанный и очень умный» (С. Соловьёв); «...чрезвычайные способности устойчивого и обширного ума», «...имел влияние на московских граждан, которые вообще любили его за его приветливость и уважали в нём необыкновенные способности ума высокого, соединённые с великим богатством, знаменитостью происхождения» (Д. Бутурлин). Не правда ли, высокие оценки?

Как мог маленький, лысый, невзрачный человек с близорукими, мигающими, вороватыми глазками проявить такую твёрдость духа перед тем, как положить голову на плаху? Как мог он возглавить столь опасный заговор? И ведь не раз бывал в войсках воеводой, и смело возглавил осаду Тулы и пленил Болотникова, не в пример Годуну, не воодушевившему войска своим присутствием под Кромами. А в конце своей трагической жизни Василий Шуйский, уже будучи не царём, а монахом, проявил гордое достоинство перед польским королём, не поклонившись ему. Разве только внешностью человека определяются его душевные и деловые качества? Тот же Годунов был красив, сановит, имел величавые манеры, но результаты его царствования оказались плачевными, при том, что имел огромный двадцатилетний опыт управления государством в спокойные годы без войн, а Василий Шуйский принял страну, раздираемую мятежными смятениями и открытым польским наступлением. И породил эту смуту всё тот же Годунов.

Царское венчание Василия Шуйского состоялось 1 июня 1606 года в Успенском соборе, для чего был приглашён митрополит Новгородский Исидор, так как ставленник самозванца патриарх Игнатий был низложен, а новоизбранный патриарх Гермоген ещё не прибыл в Москву из Казани. Когда бояре присягали ему, Шуйский, желая вернуть спокойствие государству, тоже дал им присягу в том, что не будет казнить никого без суда боярского, что примет меры для искоренения ложных доносов, а имения преступников не станет отбирать в казну, оставляя их жёнам и родственникам. Желая добра и тишины Отечеству после долгих лет Иоаннова тиранства и беззаконий Годунова, он целовал на том крест. Слово сдержал, людей высшего сословия не казнил, отправлял не в заточение, а на воеводство в разные города. Этими самоограничениями Шуйский не добился большой любви россиян, лишь ослабил царскую власть в

пользу боярской Думы. К сожалению, такой демократизм не получил одобрения у людей, привыкших исполнять любую волю государей. И действительно, бояре стали проявлять высокомерие, чиновники не имели страха перед царской властью; уже стали поговаривать о незаконности избрания царя Василия.

По городам отправили чиновников, которые должны были приводить народ к присяге и читать царскую грамоту, в коей говорилось о достоинствах нового царя и о разоблачениях убитого Лжедмитрия. В довершение к этому, как бы в знак раскаяния своего ложного свидетельства о самоубийстве царевича Дмитрия, Шуйский послал митрополита Филарета Ростовского и Феодосия Астраханского в сопровождении бояр в Углич с указанием перевезти тело царевича Дмитрия в Москву. Когда его подняли из земли, угличане стремились прикоснуться к святым для них мощам, получая исцеление, и не хотели отдавать их.

Конрад Буссов и другие иностранные авторы в своих записках отнеслись с недоверием к этому вполне благонамеренному действию царя, хотевшего убедить граждан в том, что в Угличе был убит истинный царевич Дмитрий, останки которого по достоинству перенесены в Архангельский собор. Буссов обвинил Шуйского в махинациях, дескать, тот велел убить девятилетнего попovichа (опять попovichа!) и положить его в новый гроб. Мало того, он же будто бы подкупил двух здоровенных мужиков, чтобы они ложно исцелились. Думается, это выдумки пристрастных людей, потерявших при Шуйском в Москве какие-то значительные выгоды. В этом смысле к свидетельствам иностранных авторов нельзя иметь полного доверия. Безусловно, надо было сделать новый гроб, чтобы перевезти останки в Москву, но неужели Марфа, увидев убитого мальчика, не возмутилась бы? Неужели второй раз пошла бы на мучительную сделку с совестью? В таких обстоятельствах она предпочла бы умереть, нежели молчать. И вряд ли Шуйский, очищаясь от прежнего греха раскаянием, мог пойти на новый грех убийства мальчика: он не был вторым Годуновым.

Гроб Дмитрия в Москве встретили с честью царь Шуйский, инокиня Марфа, духовенство и доставили в храм Михаила Архангела, где покоились великие князья и царь Иоанн. Здесь Марфа снова обличала расстригу и слёзно просила царя и народ простить ей грех признания самозванца своим сыном, принятый под страхом смерти.

Важнейшим попечением Шуйского было поставление на кафедру нового патриарха, взамен сведённого с престола Игнатия, пособника самозван-

ца. Есть сведения, что всего на несколько дней на патриарший престол был возведён возвращённый из ссылки Филарет Романов и тут же отстранённый по подозрению участия в боярском заговоре (с какой бы стати Филарет стал крамолить, получив освобождение и столь высокое назначение?). Выбор пал на твёрдого духом Гермогена, удалённого расстригой в Казань и ставшего теперь опорой и сомышленником Василия.

Надо было уладить взаимоотношения с Польшей, отягощённые избиением поляков во время переворота. Василий понимал, что с пустой казной ему будет непосильно противостоять Польше в случае военных действий с её стороны. Бояре Фёдор Мстиславский, Дмитрий Шуйский, Василий Голицын, Михаил Татищев имели продолжительные прения с королевскими послами Олесницким и Гонсевским, упрекая польскую сторону в изначальной поддержке расстриги. Мстиславский читал послам польским заявление московской стороны: «...По бесовскому наущению, Гришко Богданов Отрепьев, чернец, дьякон, вор, за чернокнижничество приговорённый к наказанию святыми соборными отцами, бежал в землю короля, вашего государя, и там, приняв имя царевича Дмитрия Ивановича, представился Сигизмунду, королю вашему... король ваш и паны рады его, отвергнув наши известия... поверили тому вору ... Вор же, при помощи вашего короля и ваших людей, овладел столицей и целым государством».

Упрёки справедливые, но послы обвинения отвергали в своих резонах, дескать, и сами россияне признали в нём царевича Дмитрия и приняли его с честью. Александр Гонсевский, знавший русский язык, говорил ответную речь: «...Ни король, его милость, ни подданные короля сначала не поверили словам пришельца, и долгое время он оставался у нас в пренебрежении, пока не собралось к нему из разных городов несколько людей из московского народа, которые единогласно признавали его за истинного царевича Дмитрия Ивановича... Он и бывшая с ним Москва уверяли, что их за границей московские люди радостно примут с хлебом и солью... Всё ваше лучшее московское войско, стоявшее под Кромами, передалось царевичу добровольно... и повели его сюда в столицу...» Трудно было возражать против столь горьких фактов. Главной причиной успеха самозванца были измены и мятежные настроения внутри самого Московского государства.

Шуйский добивался главного: при всех взаимных обидах польский король должен был подтвердить соблюдение мирного договора, заключённого с Годуновым. Он отпустил из Москвы

всех нечиновных поляков (около 700 человек), оставшихся велел ничем не притеснять. Послы тоже были задержаны в ожидании положительного ответа короля. Марина Мнишек с её отцом, его братом Яном, другими родственниками и большой свитой (375 поляков) была отправлена в Ярославль, князь Константин Вишневецкий – в Кострому, Тарло и братья Стадникие (Станислав и Мартын) – в Ростов.

В оппозиции мог стоять не проявлявший активной деятельности Василий Васильевич Голицын, питавший надежду при удобном случае взойти на престол московский, но ни по именитости, ни по другим достоинствам он не превосходил Шуйского. Другие недоброжелатели его готовы были примкнуть уже к подготовленному заговору. За неимением явного лидера пришлось снова оживить Дмитрия и проверенно действовать его именем. Самозванство пошло по второму кругу и по тем же историческим местам. Опорным пунктом Смуты снова стал мятежный Северский край.

ИВАН БОЛОТНИКОВ

Едва ветер рассеял прах первого Лжедмитрия, как появился слух о его спасении, нашедший благоприятную почву всё в тех же мятежных северских городах и по всей Украине. В самой Москве возникли мятежные волнения. На Красной площади собралась толпа народа в ожидании царя. Окружённый сановниками и духовенством, он не вышел из Кремля, но обвинул в заговоре царедворцев, заявив прямо и твёрдо: «Вижу ваш замысел. Кого вы избрали, того можете и свергнуть. Ищите другого царя!» И даже сложил с себя знаки царской власти. Приближённые стали уверять его в своей преданности. Мятеж утих, народ разошёлся. Выполняя данное обещание, Шуйский никого не казнил и не заточил, лишь наказал кнутом несколько зачинщиков.

Слух о спасении неубиваемого Дмитрия распространил бежавший из Москвы сразу после венчания Шуйского на царство дворянин Михайло Молчанов, жестокий убийца юного царя Фёдора Годунова. Похитив с царской конюшни лучших скакунов, с ним бежали ещё два поляка. Молчанов добрался до Самбора, где зарождалось самозванство и откуда оно должно было пойти снова. Ему удалось убедить мнимую тещу признать его своим зятем, царём Дмитрием, что не могло произойти без согласования с мужем и дочерью, находившимися в Ярославле, но имевшими связь с домом. В своей авантюре корыстная семья Мнишеков решила ид-

ти до конца, соображая выгоды, которые она сулит, и в надежде вернуть себе достигнутое обманом головокружительное положение.

Существует миф о похищенной во время расправы 17 мая в Кремле царской печати: по одной версии, её присвоил князь Григорий Шаховский, по другой – её умыкнул дьяк Богдан Сутупов, исполнявший при расстриге высокую должность «печатника и секретаря великого», как пишет Р.Скрынников, что представляется более убедительным. С этой печатью Сутупов якобы бежал в Самбор, откуда от имени невидимого пока «царя Дмитрия» рассылались прелестные грамоты по южным городам России.

Что касается князя Григория Шаховского, то, по Буссову, он бежал с похищенной печатью в Путивль. Будто бы, переправляясь через Оку, Шаховский спросил лодочника: «Знаешь ли ты, кого сейчас перевёз?» Лодочник ответил: «Откуда мне знать?» Шаховский похвалился: «Знай, дружок, ты перевёз царя Дмитрия!» По другой версии, этот разговор с лодочником приписывают Михаилу Молчанову. Безусловно, это миф, и Григорий Шаховский не бежал из Москвы, а был опрометчиво назначен воеводой в Путивль самим Василием Шуйским. Как можно было проявить такую недалёковидность, зная, что этот Григорий вместе с отцом Петром Шаховским присягал Лжедмитрию I? Можно ли было доверять такому князю стратегически важнейший город Путивль, оплот повстанчества? Придя к власти, Шуйский необдуманно отослал подальше от себя и других сторонников самозванца: Михаила Салтыкова в Иван-город, Афанасия Власьева в Уфу, Андрея Телятевского в Чернигов, Василия Мосальского в Корелу.

В связке с Молчановым в мятежном Путивле сам воевода Григорий Шаховский (по летописи – «всей крови заводчик») совершил измену, подобную той, на которую отважился Пётр Басманов. Зная настроение северских жителей, присягнувших первому Лжедмитрию и не признавших Шуйского, Шаховский объявил в Путивле, что Дмитрий избежал смерти, находится в Польше и скоро прибудет сюда с войском. Ждали спасшегося царя, ждали чуда, верить которому нашлось много охотников. Хорошо укреплённый Путивль стал центром мятежа.

Кажется невероятным примитивно-дерзкий инструмент свержения московской власти, но он показал свою действенность и в первый, и во второй раз, когда уже было невозможно верить в чудо спасения лжецаря, чей труп три дня лежал на площади и каждый мог убедиться в его гибели. Правы были польские послы, заявляя в прениях с московск-

кими вельможами, что причины самозванства надо искать не в Польше, а в самой России. Основная причина была социальная, она заключалась в обездоленности миллионов людей, при любой смуте становившихся вольными, готовыми попытаться счастья разбоем и грабежом, был бы объявлен повод встать под чьи-то знамёна. Все историки едва ли не основным мотивом недовольства бояр Шуйским выставляют избрание его не всей землёй, а лишь московским кругом, но перед нами пример Бориса Годунова, добившегося избрания всем освященным Собором и всё же потерпевшего крах.

Ложный царь не появлялся, ибо Молчанов понимал своё несоответствие этой роли и опасался быть растерзанным в Москве, где хорошо его знали. Он нашёл отважного, сведущего в военном деле пособника, чтобы послать его в Путивль своим представителем. Им стал человек тёмной биографии Иван Исаевич Болотников, бывший холоп князя Андрея Телятевского, находившегося теперь воеводой в Чернигове и участвовавшего в новой интриге. Болотников якобы был в плену у татар, затем – в Турции и Венеции, каким-то образом оказался в Польше, где судьба свела его с «работодателем» Молчановым, изображавшим царя Дмитрия. Искатель счастья Болотников, ведая о неустроениях и брожениях в России, изложил свой план действий с опорой на крестьянство, холопов и казаков против ненавистных бояр и получил от Молчанова высокое назначение большим воеводой. С таким уведомлением он явился как посланец царя в Путивль. Координатор мятежа Григорий Шаховский, не очень сведущий в военном деле, вверил ему руководство пока немногочисленным отрядом мятежников.

На призыв Болотникова идти против ненавистных бояр и их ставленника Василия Шуйского к нему стали стекаться беглые холопы и крестьяне, казаки и разный сброд. Начались разбои и грабежи, захват воевод и богатых людей, всяческое насилие, казни. Кажется, для Болотникова не имело принципиального значения, какому царю служить и против какого воевать.

Василий Шуйский попытался унять мятежников уговором, направив в Елец, где засел атаман Истома Пашков, послание Марфы (царицы Ивана Грозного) с увещанием не верить слухам о спасении Лжедмитрия. С той же целью в северскую землю отправился митрополит Крутицкий. Уговоры не достигли цели, после чего оставалось действовать силой оружия. Поначалу царские воеводы, князя Воротынский и Трубецкой имели успех под Ельцом и под Кромами, но Болотников, собрав несколько тысяч повстанцев в Путивле, пришёл на выручку Кро-

мам и разбил царское войско, отступившее в сторону Орла. История повторилась, моральный дух войска упал, служилые люди стали расходиться по домам, напротив, ряды повстанцев возрастали, многие города, утраченные разбоями и казнями болотниковской разбушевавшейся черни, приняли сторону спасшегося «царя», которого ещё никто не видел. Общим движением увлеклись и беспокойные рязанские братья Ляпуновы, Прокофий и Захарий. Здесь впервые проявился мятежный дух знаменитого Прокофия Ляпунова, прирождённого вождя при любой буре народной, человека мужественного и сильного, поднявшего всю рязанскую землю на сторону Болотникова. Волнение перекинулось даже в восточные губернии, вплоть до Вятки и Перми. «Уже не только политика мирила Василия с Годуновым, но и злополучие, разительное сходство их жребия, – отметил Карамзин. – Обоим власть изменяла; опоры того и другого, видом крепкие, падали, рушились... Рати Василиевы, подобно Борисовым, цепелись, казалось, перед тению Дмитрия».

Болотников уже приближался к Москве, когда царский воевода и племянник Михаил Скопин-Шуйский разбил его передовой отряд на берегах Пахры. Главные силы восставших разграбили Коломну и остановились здесь. Шуйский оказался в самом затруднительном положении, но кто может предугадать ход событий? Рязанцы Ляпуновы и Сунбулов, бывший воевода Рязани, насмотревшись на издевательства над дворянами разбойного воинства Болотникова и не дождавшись появления спасшегося «Дмитрия», перешли от него к Шуйскому. Два предводителя мятежников не поладили между собой: боярский сын Истома Пашков не хотел признать себя ниже холопа Болотникова и тоже перешёл на сторону царя, будто бы подкупленный им. К тому же тверичи и смоляне сохранили верность Шуйскому, прислав ему военную помощь. Шуйский воспрял духом, направил против Болотникова молодого храброго Михаила Скопина, тот выбил мятежного воеводу из Коломны, вынужденного отступить и закрепиться в Калуге. Другие засели в Туле, потому что начиналась зима.

«Летописец говорит, что Царь без искусных Стратиггов и без казны есть орёл бескрылый и что таков был жребий Шуйского, – пишет Карамзин. – Борис оставил преемнику казну и только одного славного храбростию воеводу, Басманова-изменника: Лжедмитрий-расточитель не оставил ничего, кроме изменников, но Василий делал что мог». С этим нельзя не согласиться, и кто бы другой более успешно отражал наступление мятежников? Царь Василий действовал бодро и распорядительно,

отправляя рать за ратью на воровских людей. В то же время были отправлены с последними ратными людьми осаждать Калугу князя: Фёдор Иванович Мстиславский, Михаил Васильевич Шуйский и Борис Петрович Татев. К счастью для Шуйского, в ходе изнурительного противоборства провидение послало ему знаменитого впоследствии полководца в лице двадцатилетнего племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Подкрепляя военные успехи некоторыми действиями нравственного порядка, Шуйский предпринял перезахоронение Годуновых: из бедного Варсонофьевского монастыря их гробы были торжественно доставлены в Троицкую лавру. Процессию сопровождала неутешными слезами и причитаниями ехавшая в санях Ксения. Кроме того, из Старицы в Москву был привезен слепой бывший патриарх Иов, где от имени его и патриарха Гермогена была читана разрешительная грамота, освобождающая московский люд от клятвоступления перед Годуновыми.

Между тем положение болотниковцев в осаждённой Калуге становилось тяжёлым из-за недостатка провианта. Болотников посылал в Путивль к Шаховскому просьбы о помощи, и тот решил прибегнуть к содействию объявившегося среди терских казаков ещё при первом самозванце Лжепетра. Эту роль взял на себя, как предполагают, казак Илейка родом из Муромы, назвавшийся несуществовавшим сыном царя Фёдора Ивановича.

Усилив войско севрюками, Лжепётр и Григорий Шаховский направились к Туле, а на помощь Болотникову послали отряд под командованием князя Андрея Телятевского. Ободрённый Болотников направился к Туле, где соединился с Лжепетром, намереваясь снова идти на столицу. В этих угрожающих условиях Василий Шуйский проявил свойственную ему решительность, объявив, что сам выступает во главе войска против воров и разбойников (в отличие от Годунова). Он разослал по городам строгие грамоты, требовавшие присылки служилых людей и ратников, что относилось и до монастырских вотчин. В свою очередь Гермоген приказал во всех церквях предавать проклятью Ивана Болотникова и Лжепетра.

На пути к Туле царские войска разбила высланный Болотниковым отряд Андрея Телятевского. В конце июня 1607 года началась длительная осада Тулы, где оказались в ловушке все главари мятежа: Шаховский, Болотников, Лжепётр и князь Андрей Телятевский. У них было достаточно людских сил и боевых припасов, а из северской земли доносились сведения о скором появлении Лжедмитрия II. Осаждённые нервничали, Шаховский посы-

лал в Польшу своих гонцов с требованием присылки хоть какого-нибудь Лжедмитрия.

Взять Тулу помогло неожиданное обстоятельство. Муромский дворянин Фома Сумин-Кровков подал царю челобитную, в которой предлагал затопить город, устроив плотину на реке Упе. Предложение это вызвало поначалу недоверие и насмешки, но Шуйский решил им воспользоваться. Бунтовщики стали ежедневно сотнями покидать затопленный город; вожаки мятежа поняли бесполезность сопротивления и сдались 10 октября.

Болотников, подъехав к Шуйскому, слез с коня и пал на колени, положив на шею саблю, покорился: «Я исполнил обет свой; служил верно тому, кто называл себя Дмитрием в Польше, справедливо или нет, не знаю, ибо сам я царя прежде никогда не видывал. Я не изменял своей клятве, но он выдал меня; теперь я в твоей власти! Если хочешь головы моей, вели отсечь её сею саблею. Но если оставишь мне жизнь, послужу тебе столь же верно, как и тому, кто не поддержал меня».

Видимо, Болотников надеялся на поговорку: повинну голову меч не сечёт. Увы, не только Шуйский, но и всё его окружение не могло простить великие вины злодея. Кроме топора палача люди изобрели много других способов казни. О помиловании не могло быть и речи, Ивана Болотникова отправили в Каргополь и там утопили. Илейка Муромец (Лжепётр) был повешен в Москве. Иных сослали в Сибирь, но князей Андрея Телятевского и Григория Шаховского Шуйский не казнил, придерживаясь данного им правила щадить именитых. Григорий Шаховский был сослан на Кубенское озеро в Каменную Пустынь.

Завершив долгую осаду Тулы, Шуйский-победитель торжественно, под колокольный звон, въехал в Москву и разослал по городам известие о разгроме мятежников, после чего совершил поездку в Троице-Сергиеву лавру, чтобы молитвой благодарить великого заступника Русской земли.

В столь благословенный момент, в январский мясоед, пятидесятилетний Василий венчался от руки и по благословению патриарха Гермогена с княжной Марией Петровной Буйносовой-Ростовской. После запрета жениться, изуверски наложенного Годуновым, Шуйский был помолвлен с этой княжной при первом Лжедмитрии и по обстоятельствам только теперь мог исполнить своё желание. Вот что пишет по поводу женитьбы царя Василия в своих мемуарах живший в Москве греческий архиепископ Арсений Елассонский: «Итак, если бы он (*Шуйский*. – **Ю.Б.**) пожелал взять себе в супруги царицу Марию (*Марину Мнишек*. – **Ю.Б.**), при полном желании самой царицы, её отца Георг-

гия Сендомирского и всех его сторонников, то он не лишился бы царства, – но он предпочёл взять себе в супруги молодую и красивую девушку и избрал, и вступил в брак с юною красивою девицею, дочерью князя Петра Ростовского, – девица была красивейшая и разумная, – от которой он имел двух дочерей Анну и Анастасию». Верны ли такие сведения? Может быть, кто-то и предлагал Шуйскому в жёны вдову убиенного Лжедмитрия, но разве мог Василий последовать такому совету, учитывая то, что Марина венчалась с его злейшим врагом и была иноверной, католичкой? И главное, Василий был помолвлен с Марией Буйносовой-Ростовской ещё при живом Лжедмитрии, и к тому же сам А. Елассонский несколько раз подчёркивает красоту избранницы Шуйского, называет её красивейшей и разумной. Вероятно, автор мемуаров исходил из предположения о том, что брак с Мариной Мнишек решил бы спорные вопросы между русскими и поляками и царь Василий избежал бы трагической участи.

Шуйский не забывал дел государственных, более совместимых со временем мирным. Так, он велел перевести с немецкого языка «Устав дел ратных». Это была первая попытка организовать войско в соответствии с передовой военной наукой европейских стран, чтобы россияне знали все новые хитрости воинские... Ничто не забыто в сей любопытной книге: даны правила для образования и разделения войска, для строя, походов, станов, обоза, движения пехоты и конницы, стрельбы пушечной и ружейной, осады и приступов, «с ясностию и точностию». Безусловно, это наставление имело большое значение для организации войска в будущем, и не случайно Василий Шуйский не раз выступал в роли воеводы.

ЛЖЕДМИТРИЙ II

До сих пор мятежники пользовались только именем спасшегося мнимого царя: кажется, его слишком долго «пекли» и неизвестно в какой печке. Осаждённые в Туле требовали показать им Дмитрия, но он не появлялся. Послали в Самбор казачьего атамана Ивана Мартыновича Заруцкого, сумевшего пройти через заставы московского войска; он добрался до Стародуба и не пошёл дальше. Отправили другого гонца к родственникам Мнишек с наказом найти хоть какого-нибудь Лжедмитрия. Нашли неизвестно кого.

Поскольку северская земля присягнула ему заочно, то и появился он уже не в Польше, а в этом крае, в пограничном Стародубе. Вопрос о его

личности остаётся весьма загадочным, выдвинуты разные версии. Авраамий Палицын называет его поповским сыном Матюшкой Веревкиным от северских градов. Д.П.Бутурлин, опровергая это мнение, пишет: «Палицын, называя его поповским сыном Матвеем Верёвкиным, очевидно ошибается, смешивая его со стародубцем Верёвкиным, возбудившим своих граждан в его пользу. Пастор Мартин Бер называет его Иваном, жившим учителем у одного священника в Белоруссии, хорошо знавшим польский и русский языки и церковный устав. Позднее высказывались предположения, что Лжедмитрий был евреем. Личность нового самозванца, мало схожего с первым, оказалась весьма тёмной.

Так как Юрий Мнишек и Константин Вишневецкий находились под арестом, во главе новой интриги стояли, по мнению Д. Иловайского, всё те же – литовский канцлер Лев Сапега и Адам Вишневецкий, желавший иметь способ освободить двоюродного брата и Мнишек и не случайно выставивший свою дружину на помощь Лжедмитрию. Вскоре видным деятелем польской интервенции станет брат литовского канцлера Ян Сапега.

Несомненно, новый ложный царь был человеком отчаянным или чрезмерно честолюбивым, сознательно идущим на вероятную гибель. В любом случае этот искатель приключений не убоился предшествовавших событий. Казалось бы, после трагической гибели первого самозванца, после пленения в Туле всех вожак востания как можно было отважиться на очередную авантюру? Но нашёлся кандидат в «цари», готовый принести себя в жертву ради чьей-то закулисной выгоды: рыцарь на час. Такая решимость может объясняться обещанием сильной поддержки со стороны Польши. Как видно, планы широкой интервенции уже были свёрстаны.

Лжедмитрий II появился в августе 1607 года в Стародубе под видом дяди царевича Дмитрия – Андрея Нагого, в сопровождении московского подъячего Алексея Рукина. Они, разведывая настроение здешних жителей, говорили о скором прибытии с сильным войском спасшегося царя Дмитрия. Томившиеся его ожиданием стародубцы заподозрили Рукина в обмане. Тогда он, как бы вынужденно, показал на своего спутника: «Вот он, царь Дмитрий!» Стародубцы обрадовались такой находке в своем городе, почтя это за честь. Узнав такую новость, северские города – Путивль, Чернигов, Новгород-Северский – без раздумий присягнули Лжедмитрию II, ещё не видя его.

В Стародубе уже находился казачий атаман Иван Мартынович Заруцкий, видный деятель

Смутного времени, не случайно посланный Болотниковым на розыск «царя» Дмитрия или какого-нибудь самозванца.

Оживив Дмитрия, в Польше уже помышляли об унии с Москвой, рассуждая так: поскольку состоялась уния с Литвой, почему бы не присоединить под свою корону и Московское государство? Желание не могло быть исполненным: Польша и Литва являлись католическими государствами, а Московская Русь была православной, и это обстоятельство оказалось непреодолимым. Ещё перед обручением расстриги с Мариной её гофмейстер Мартын Стадницкий, произнося в присутствии знатных ляхов речь перед самозванцем, говорил: «Если кто-нибудь удивится твоему союзу с домом Мнишека, первого из вельмож королевских, то пусть взглянет в историю государства Московского: прадед твой, думаю, был женат на дочери Витовта, а дед на Глинской – и Россия жаловалась ли на соединение царской крови с литовскою? Ни мало. Сим браком утверждаешь ты связь между двумя народами, которые сходятся в языке и в обычаях, равны в силе и доблести, но донныне не знали мира искренне-го...» Сходства оказались недостаточными: главным препятствием стало различие веры.

При Лжедмитрии II наставником был пан Маховецкий, служивший и первому, а теперь получивший чин гетмана. Он привёл из Польши конный отряд. Принято считать, что открытая польская интервенция началась с вторжения под Смоленск короля Сигизмунда, но надо иметь в виду, что к Лжедмитрию II под Брянск, по сведениям К. Буссова, пришли: Самуил Тышкевич с 700 конников, Александр-Иосиф Лисовский с 700 конников, князь Адам Вишневецкий с 2000 конных копейщиков, князь Роман Рожинский с 4000 копейщиков, а позднее под Москву явился с 7000 конных копейщиков Ян Сапега. Сила весьма внушительная.

Несколько польских хоругвей⁵, пришедших с Маховецким, множество мятежных северян, присягнувших Лжедмитрию II, составили значительную воинскую силу. Он выступил, когда ещё Шуйский стоял под Тулой, отправив туда посланца с наглым требованием, чтобы царь отказался от престола, уступив его «законному» Дмитрию Ивановичу. Не изменив своему слову, посланный погиб на пытке.

Самозванец дошёл до Козельска и, услышав о сдаче Тулы царским войскам, закрепился в Орле, ожидая подкреплений. Кроме названных выше военачальников, прибыли паны Зборовский, Будило, Хмелевский и другие... Обладая столь внушительной силой, князь Роман Рожинский сместил гетмана Маховецкого, убив его, и занял его

место подле ложного царя. Атаман Заруцкий, который станет видным деятелем Смуты, привёл с Дона несколько тысяч казаков.

Почувствовав такую внушительную поддержку, новый самозванец самохвально писал в Ярославль воеводе Мнишеку, которого мнил тестем: «Мы, Дмитрий Иванович, Божию милостию царь всея России... Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышнего непостижимы для ума человеческого... Но Бог милосердный, не помянув моих беззаконий... и спас меня от изменников, возвращает мне царство, карает наших злодеев, преклоняет к нам сердца людей, так что надеемся скоро освободить вас... Да будет также вам известно, что его величество король Сигизмунд, наш приятель, и вся Речь Посполитая усердно содействуют мне в отыскании наследственной державы». Желаемое выдавалось за действительное.

С целью разбоя и грабежа самозванство в это время баснословно распространилось в пределах Московского государства, особенно на юге и востоке среди казачества. Возглавляя собранные напех шайки, некоторые выдавали себя за сыновей Фёдора Ивановича и самого Ивана Грозного, находились и «сыновья» бездетного старшего его сына Ивана. Пытались присоединиться к Лжедмитрию II, но тот стал круто расправляться с явными обманщиками, дабы не допускать соперничества.

Весной 1608 года Лжедмитрий во главе большого войска двинулся на Москву; против него выступила рать с воеводами Дмитрием Шуйским и Василием Голицыным, потерпевшая поражение. Между тем, продвигаясь к Москве, самозванец рассылал грамоты, призывая чёрный люд грабить дворян и пополнять его ополчение. Многие дворяне бежали в Москву и, как люди служилые, усиливали её оборону. Однако измены продолжались. Так, в этом были уличены князья Иван Катыврев-Ростовский, Иван Троекуров и Юрий Трубецкой, находившиеся в войске Михаила Скопина-Шуйского. Они посчитали, что дело Василия Шуйского проиграно, как это произошло на недавнем примере Годунова. Несмотря на это, Василий Шуйский и на сей раз не казнил именитых изменников, а ограничился их ссылкой.

Гетман Лжедмитрия Роман Рожинский, обойдя войско Скопина-Шуйского, сначала хотел остановить связь её с северными городами, но в опасении самому потерять пути отхода избрал своим станом село Тушино, в 12 верстах от Москвы. 1 июня 1608 года началось строительство укрепленного лагеря, где сосредоточилась значительная сила во главе с польско-литовскими хоругвями. Столицу прикрыва-

ли полки Скопина-Шуйского.

Не уверенный в стойкости своего войска, Василий Шуйский решился на переговоры с Польшей, пользуясь тем, что в Москве находились, кроме задержанных после убийства самозванца послы Олесницкого и Гонсевского, новые послы Сигизмунда III. Эти послы прибыли с целью освобождения всех поляков, в том числе и пана Юрия Мнишека с дочерью, уже привезённых из Ярославля в Москву. Из Ярославля они выехали 25 мая 1608 года вместе с другими панами, некоторым количеством прислуги и всеми женщинами, отбывавшими ссылку. В Ярославле оставались 162 поляка, которых вместо обещанного вскоре освобождения отвезли дальше на север, в Вологду, ввиду опасности занятия Ярославля тушинцами.

Гетман Рожинский, пользуясь своими сношениями с послами, разведал сведения об обороне Москвы и неожиданно ранним утром напал на Ходынский стан всею своей силой, но Шуйский прислал резервные полки под началом князей Ивана Куракина, Андрея Голицына и Бориса Лыкова, и неприятель был отброшен. Литовские же люди с той поры под Москву явно перестали приходить, говорит летописец.

Тем не менее 17 июля 1608 года перемирие было заключено на 4 года и один месяц, по нему предписывалось: отрядам Рожинского и всем полякам не приставать к тушинскому вору и удалиться в Польшу, всех поляков и Марину Мнишек освободить, но впредь ей не именовать себя царицей. Нахождение в Москве Марины и окружавших её вооруженных поляков было связано с риском их сговора с поляками, осаждавшими столицу. Шуйский допустил неосмотрительное великодушье, отпустив опасных пленников, и тем осложнил своё положение. Часть поляков во главе с Александром Гонсевским под русским сопровождением пошла окольными путями через Тверь и достигла границы Литвы, другая, с послом Николаем Олесницким, воеводой сендомирским и Мариной Мнишек, повернула к Смоленску, куда вступил знаменитый полководец Ян Сапега, шедший на подмогу к тушинскому Лжедмитрию с многочисленным войском. Пишут, что Лжедмитрий послал отряд пана Зборовского, чтобы перехватить Марину и доставить её в Тушино. Мнишеки и не думали скрываться, потому что уже имели переписку с тушинским цариком, когда ещё находились в Ярославле. Пан Мнишек не усомнился склонить дочь к союзу с новым претендентом на московский престол. Честолюбивая Марина, не отказавшись от притязаний царицы, решила продолжить авантюрную игру, прибыв вместе с Сапе-

гой в Тушинский лагерь. Условия этой игры требовали, чтобы она признала второго самозванца своим мужем, что подтвердилось их объятиями на виду всего войска. Марина нарушила условия польско-московского перемирия, сделав первый шаг к своей гибели. Отпуская её, Шуйский надеялся на правила чести, но стоило ли ожидать их от интриганки, уже показавшей свою безнравственность? Марина лучше других знала, что муж её погиб и, тем не менее, заглушив совесть, бесчестно лицедействовала, подобно тому, как Марфа изображала радость встречи с мнимым сыном, самозванцем первым. Карамзин пишет, что Марина содрогнулась при виде самозванца второго, «гадкого наружностью, низкого душою». Думаю, она подготовилась к обману и готова была переступить через отвращение к этому «заменителю» мужа. Теперь надо было играть роль жены чуждого ей человека, и хотя условились быть как бы братом и сестрой до вступления в Москву, кто поверит, что это условие было исполнено? Тем более, что Марина родила сына Ивана.

Руководимый корыстью, воевода Мнишек ставил на кон судьбу дочери в надежде вернуть свои богатства с помощью нового Лжедмитрия, который обещал договором мнимому тестю 300 тысяч рублей после взятия Москвы. Сдав дочь самозванцу, воевода отправился домой; думал ли он, что больше не увидит Марину? Убедившись, что тушинский «Дмитрий» не тот, которого он знал, и понимая, что это явная подстава, Юрий Мнишек покидал Тушинский лагерь с тяжёлым сердцем. Он был свидетелем расправы с первым Лжедмитрием и, сдавая дочь второму проходимцу, мог предчувствовать, чем закончится эта авантюра, но ставка была высока и отступать от затеянной преступной интриги было уже поздно. Плата оказалась дорогой, она явилась наказанием за ту роль, которую сыграл Юрий Мнишек в разжигании Смуты в России. Вместо того чтобы ехать вместе с отцом в Самбор и спокойно там жить, Марина предпочла испытать судьбу второй раз. Сорвавшись с коня удачи, она надеялась вновь оказаться в седле, ей грезилось торжественное возвращение в Москву.

Самозванец ободрился, подтвердив свою легенду о спасении трогательной встречей с Мариной. К нему стали стекаться новые силы, охотней присягали города. Большинство разнородного войска не видело первого Лжедмитрия и потому легко поддавалось обману; те же, кто знал о подставке, предусмотрительно молчали, выжидая, к чему приведёт исход борьбы.

Прибытие Сапеги значительно усилило тушин-

цев, кроме того, сюда стекались казаки и прочий воровской люд. Спесивый Сапега, претендуя на первенство, не уживался с гетманом Рожинским и в итоге отправился со своим войском на захват богатой Троице-Сергиевой лавры, являвшейся опорным пунктом между Москвой и северными городами, сохранявшими верность Шуйскому. Царь выслал против Сапеги рать во главе с братом Иваном, потерпевшим поражение.

В Москве было тревожно. Служилые люди начали покидать столицу, многие уходили к тушинскому вору, как стали называть самозванца. В числе отъехавших были и бояре: князя Дмитрий Трубецкой, Дмитрий Черкасский, прежний изменник Василий Мосальский и другие. Некоторые «перелёты» переходили туда и обратно по несколько раз, сообразуясь со своими выгодами на случай, если Лжедмитрий овладеет столицей. В некоторых семьях родственники договаривались, кому оставаться в Москве, кому отойти к самозванцу. Знатные люди, предугадывая возможную победу самозванца, надеялись получить от него высокие звания и поместья. Уже не взывая к совести беглецов, Шуйский с негодованием обращался к гражданам: «Не позорно ли покидать столицу? Идите куда хотите, пусть останутся самые стойкие!» Ратники уже не в первый раз клялись в верности Василию, но воодушевление скоро проходило, и «перелёты» в Тушино продолжались. Тушинцы жили менее стеснённо, нежели жители Москвы; к ним везли не только всякое продовольствие из окрестных уездов, но и девушек и женщин для утехи. Унижение дошло до того, что их возвращали только за выкуп. Весёлая, вольная жизнь прельщала многих.

Василий, запертый в Москве, уже не решался выставить войско в поле, не смел наказывать изменников бояр, хотя в столице пока имелось достаточно защитников и оружия. Не было только уверенности в людях при таких шатаниях. Подобно Годуну, Шуйский обещал народу благоденствие и при всём старании не достиг обещанного. Считали, что избранный близким кругом приспешников несчастливый царь не имеет Божьего покровительства, а потому вместе с ним страдает всё государство.

17 февраля 1609 года в Москве обнаружилось открытое выступление против Василия Шуйского. Заговорщики созвали народ на Красную площадь, стали утверждать, что Василий избран не всей Землей, что не умеет царствовать, и даже оклеветали его в пьянстве и распутстве. Патриарха Гермогена взяли прямо в соборе и силой привели к Лобному месту, дабы отступился от Шуйского. Верный сторонник царя не поддавался давлению, упрекал заговорщиков: «Государь

царь и великий князь Василий Иванович всея Руси возлюблен, избран и поставлен Богом и всеми русскими властями..., а вы, забыв крестное целование, немногими людьми восстали на царя, хотите его без вины с царства свести».

Москвитяне не поверили заговорщикам, и сам Василий «в час опасный снова явил себя неустрашимым: смело вышел к их сонму; стал им в лице и сказал голосом твёрдым: «Чего хотите? Если убить меня, то я перед вами и не боюсь смерти, но свергнуть меня с Царства не можете без Думы Земской» (Н.Карамзин). Заговорщики были побеждены и бежали в Тушинский лагерь. Отъехало около трёхсот человек, а царь Василий, не теряя присутствия духа, укрепился в Москве. Гермоген послал в Тушино к изменившим царю Василию людям грамоту с гневными упреками: «Бывшим братьям нашим, а теперь не знаем, как и назвать вас, потому что дела ваши в наш ум не вмещаются, уши наши никогда прежде о таких делах не слышали и в летописях мы ничего такого не читывали: кто этому не удивится, кто не восплачет? Слово это мы пишем не ко всем, а только которые, забыв смертный грех и страшный суд Христов и преступив крестное целование, отъехали, изменив царю и всей земле...»

Ещё в одном заговоре обвинили боярина Ивана Фёдоровича Колычева, якобы намеревавшегося убить Шуйского и казнённого за такое посягательство.

Всюду рыскали шайки ляхов, казаков и прочих воровских людей, бесчинствовали, грабили, зверствовали, оскверняли святыни. Многие церкви и монастыри были разорены, мародёры похищали церковную утварь, обдирали дорогие оклады икон, пьянствовали в алтарях. Во владимирской и переславской землях разбойничал шляхтич Александр Лисовский⁶.

В это плачевное время Василий Шуйский, прежде отказавшийся от помощи шведского короля Карла IX, послал к нему своего самого верного военачальника, племянника Михаила Скопина-Шуйского, чтобы заключить союз со Швецией и привести скандинавов на выручку Москвы. Мы видели, сколь медлительны были поездки того времени, на примере того, как медленно двигалась свита Марины на пути из Самбора в Москву. Ожидать скорой помощи было нельзя.

Вернёмся к событиям в России.

Примечание

¹ Симеон Бекбулатович в 1561 году вместе с отцом, ханом Ахматом, принят на службу Иваном Грозным. С 1570 года – касимовский царь. В 1573 году крестился и женился на дочери И.Ф. Мстиславского Анастасии. В 1575–1576 годах по прихоти Грозного находился на царском престоле, после чего получил в удел Тверь. Отправлен Годуновым в село Кушалино Кашинского уезда. При Лжедмитрии I пострижен и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, затем, в царствование Шуйского, сослан ещё дальше, в Соловецкий монастырь. Вернулся в 1612 году и умер в 1616 году.

² Конрад Буссов (1552–1617) – немец-наёмник, находившийся в России с 1601 по 1611 год. Деятельно участвовал в Смуте, вначале служил Годунову, затем стал сторонником Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. В 1608 году явился под Смоленск к Сигизмунду, видимо, после того, как Шуйский сослал его сына в Сибирь. Автор известной «Московской хроники». Соавтором его являлся молодой зять, лютеранский пастор Мартин Бер.

³ Жак Маржерет – француз-наёмник, поступивший на русскую службу в 1600 году к Борису Годунову, а затем перешедший на сторону Лжедмитрия. После его гибели вернулся на родину, но снова приехал в Россию, чтобы служить второму самозванцу. Вместе с войсками гетмана Ст. Жолкевского вступил в Москву, откуда пришлось бежать. Капитан Маржерет пытался вернуться в Россию и в третий раз, но Дмитрий Пожарский отверг его

предложение за вины перед русским народом. Автор известных «Записок» о Смутном времени.

⁴ Пётр Петрей (1570–1622) – подданный шведской короны, в 1602–1604 годах ездивший по России якобы для сбора этнографических сведений, а на самом деле интересовавшийся разными фортификациями. По поручению короля был направлен к Василию Шуйскому в 1607 году с предложением союза против Польши. Договорённость не состоялась. П.Петрей является автором «Достоверной и правдивой реляции» о Смутном времени.

⁵ Хоругвь – отряд польско-литовской конницы, примерно соответствующий роте.

⁶ Лисовский Александр – шляхтич, участвовавший в рокоше против короля Сигизмунда III в 1607 году, за что был изгнан из Польши. Собрал отряд лихих наездников, с которым явился к Лжедмитрию II. Эти лисовчики разоряли, грабили и сжигали многие города и веси, в том числе Суздаль, Переславль, Ярославль, Кострому, Вологду, Галич. Лисовский вместе с Яном Сапегой осаждал Троице-Сергиеву лавру. Сумел уйти от преследования московских воевод в Литву. Умер в 1616 году.

Окончание в №9-10, 2019 г.

Юрий Серафимович БОРОДКИН

родился в 1937 г. в Нижнем Новгороде.

Окончил Литературный институт.

Более двадцати лет возглавлял Ярославскую писательскую организацию.

Автор многих книг прозы и журнальных публикаций.

Широкую известность получил роман «Кологривский волок»,

опубликованный в журнале «Москва»,

в «Роман-газете» и несколько раз переизданный.

Этот роман отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР.

Особое место среди произведений Ю. Бородкина занимает роман

«Малая Пасьма». Трагические события одноимённой деревни,

описанные в нём, основаны на достоверных фактах.

Дважды выходили его «Избранные произведения»,

а также – собрание сочинений в трёх томах.

Является членом Высшего творческого Совета Союза писателей. России.

Живёт в Ярославле.

